

18+

К. Трунин

Архив
сочинений
2017

III

Константин Трунин

Архив сочинений – 2017.

Часть III

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51558614
ISBN 9785449837400*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Время определения в мире литературы: с монографии о творческом наследии Джека Лондона к мысли о необходимости создания Архивов. Плодотворный период критических изысканий определил количество томов под нынешний Архив – его решено разбить на три части. Нужно говорить и про несбыточность планов, не нашедших воплощения в дальнейшем. Очень тяжело складывалось с личным художественным творчеством, продолжала с трудом осваиваться идея изучения поэзии. Наряду с тем, наметились цели, успешно реализуемые.

Содержание

Октябрь	7
Иммануил Кант «Критика чистого разума. Трансцендентальная диалектика» (1781—87)	7
Иммануил Кант «Критика чистого разума. Трансцендентальное учение о методе» (1781—87)	11
Павел Басинский «Лев Толстой: Бегство из рая» (2010)	15
Александр Сумароков «Вышеслав» (1768)	18
Стефан Новгородец «Хождение» (середина XIV века)	21
Эмиль Золя «Новые сказки Нинон» (1866—85)	24
Эмиль Золя «Снег», «Вдовы», «Жертва рекламы» (1860)	29
Эмиль Золя «Осада мельницы», «Три войны» (1874)	33
Эмиль Золя «Наводнение» (1875), «Ракушки господина Шабра» (1876)	36
Эмиль Золя «Как люди женятся», «Типы французского духовенства» (1876)	39
Эмиль Золя «В полях» (1878), «Праздник в Коквилле» (1879)	43

Эмиль Золя «Госпожа Нежон» (1879), «Госпожа Сурдис» (1880)	46
Эмиль Золя «Капитан Бюрль» (1880), «Наис Микулен» (1884)	49
Эмиль Золя – Рассказы 1882—98	52
Эмиль Золя «Наследники Рабурдена» (1874)	55
Сергей Яковенко «Хроники кладоискателей» (2016)	58
Константин Паустовский «Далёкие годы» (1946)	61
Константин Паустовский «Повесть о лесах» (1948)	64
Александр Сумароков «Димитрий Самозванец» (1771)	67
Василий Новгородский «Послание Феодору Тверскому о рае» (1347)	70
Александр Иличевский «Перс» (2009)	73
Владимир Киселёв «За гранью возможного» (1985)	77
Александр Куприн «Штабс-капитан Рыбников» (1906)	81
Александр Куприн – Рассказы 1906	84
Александр Куприн – Рассказы 1907	88
Александр Куприн – Рассказы 1908—09	92
Александр Куприн «Листригоны» (1907—11)	96
Александр Куприн – Рассказы 1910—11	99

Сайт – 31 месяц	103
Александр Куприн «Жидкое солнце» (1912)	105
Александр Куприн – Рассказы 1912—14	108
Александр Сумароков «Мстислав» (1774)	112
Сказание о Вавилоне (конец XIV века)	115
Татьяна Донченко «Представители мира» (2016)	119
Николай Карамзин «История государства Российского. Том V» (1818)	122
Николай Карамзин «История государства Российского. Том VI» (1818)	126
Людмила Улицкая «Даниэль Штайн, переводчик» (2006)	130
Александр Сумароков «Новые лавры», «Прибежище добродетели» (1759)	134
Сказание о Довмонте (середина XIV века)	137
Галицко-Волынская летопись (XIII век)	140
Дмитрий Мережковский «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» (1924)	144
Дмитрий Мережковский «Мессия» (1927)	147
Александр Сумароков «Альцеста» (1759)	151
Рукописание Магнуша (конец XIV века)	154
Евгений Клоев «Андерманир штук» (2010)	157
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Архив сочинений – 2017

Часть III

Константин Трунин

© Константин Трунин, 2020

ISBN 978-5-4498-3740-0 (т. 3)

ISBN 978-5-4498-3719-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Октябрь

Иммануил Кант «Критика чистого разума. Трансцендентальная диалектика» (1781—87)

Апостериорно аналитическое суждение имеет у Канта ещё одно название – логический паралогизм. Под ним понимается ложное умозаключение с каким угодно содержанием. В основе такого суждения лежит неверное понимание действительности, трактуемое согласно определённым представлениям о должном быть. Отталкиваясь от ранее оговоренной допустимости антиномий, ценность всякого трансцендентного умозаключения стремится к нулю, если его сперва не осмыслить трансцендентально, поскольку иначе будет содержать имманентные предположения, основанные на самих себе.

Человек не знает о своей истинной человечности, пока не узнает мнение другого существа. Так дикарь не поймёт присущего ему дикарства, не будучи о том осведомлённым. Так невежда не убедится в собственном невежестве, не обретя инструмент для понимания этого. Нужен трансцендентальный идеал, способный разрешить сомнения. Для его по-

нимания Кант предлагает представить первосущность (сущность всех сущностей).

«Критика чистого разума» неразрывно связана с осознанием существования Бога. Подошло время Иммануилу высказаться о более всего его беспокоящем. Истинно верно то, что Бог не может быть зрим. Как тогда согласовать трансцендентальную философию с фактическим отрицанием Высшей сущности, не отрицая? В труде «Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога» Кант пришёл к точно таким же выводам, которые снова предлагает ко вниманию спустя два десятилетия.

Допустимы три варианта доказательства: физикотеологическое, космологическое и онтологическое. Эти же варианты одновременно должны быть опровергнуты, чем Иммануил и занялся.

Например, во все времена существование Бога считалось необходимым, ибо не мыслим мир без Бога, как не мыслим треугольник без трёх углов. Или, согласно Лейбницу, если сущность существует, то должна существовать безусловно необходимая сущность. Но она должна быть зрима для трансцендентального её понимания, во всяком прочем случае заставляя сомневаться в правдивости любого утверждения касательно необходимости её существования. Если же сослаться на порядок в мире, являющийся верным доказательством присутствия Высшей сущности? Тогда почему необходимо говорить именно о божественности, а не о твор-

це, понимаемом сугубо в качестве зодчего, всего лишь создавшего мир?

Поэтому Кант склонен считать критику чистого разума стремлением к деизму (Бог есть, но доказать этого нельзя), противопоставляя её теизму (Бог есть, и доказывать это не требуется). Насколько вообще оправданы размышления о Высшей сущности среди философов в эпоху Просвещения? Оказывается, философия Европы не могла отойти от религиозных представлений общества, неизменно вступая с ними в конфронтацию. Но если Лейбниц продолжал считать всё сущее исходящим от Бога, то Кант выразил в том сомнение, создав ещё одно ответвление – трансцендентальную теологию, отрицающую все доказательства, но согласную с необходимостью существования Бога.

Подводя итог рассуждениям о трансцендентальной диалектике, Кант изложил мысли о конечной цели естественной диалектики человеческого разума. Первым объектом идеи Иммануил определил самого человека, рассматривающего природу. Вторым – непосредственно окружающий человека мир. Третьим – сомнение человека в окружающем его мире. Надо понимать, в основании трансцендентальной философии находится третий объект идеи естественной диалектики, обосновывающий всё то, о чем смел предполагать Кант.

Как с обозначенных позиций познавать мир в дальнейшем? На страницах «Критики чистого разума» античный скептицизм перерос в релятивизм, чтобы оправданность

трансцендентных суждений оказалась опровергнута. Помимо учения о началах теперь требуется учение о методе, должное дать представление, как найти применение трансцендентальной философии в суждениях, без чего придётся во всём сомневаться, готовясь к бесконечной стагнации, обязанной выродиться в нечто противное человеческому естеству.

Кант это предусмотрел. Вторая часть «Критики чистого разума» так и называется – Трансцендентальное учение о методе.

01.10.2017 (<http://trounin.ru/kant81-7>)

Иммануил Кант «Критика чистого разума. Трансцендентальное учение о методе» (1781—87)

Никакое мнение не может быть отвергнуто без разумной на то аргументации. Но надо понимать, что всегда возможно одновременное существование противоположных мнений. Поэтому нет смысла отвергать мнение оппонента, поскольку необходимо с ним согласиться. Когда в споре сходятся двое, они тем самым помогают друг другу улучшить понимание мнения противоположной стороны и сильнее убедиться в правоте собственных суждений. Это и есть то, в чём Кант хотел убедить учёных и философов, доказав им бессмысленность полемики, если не преследуется цель лучше разобраться в понимании определённого затруднения.

Не стоит просить философа решить геометрическую задачу, ибо он не придёт к нужному выводу, которое легко будет достигнуто геометром. Также и с математикой, границы которой философ способен определить, но среди дефиниций, аксиом и демонстраций обязательно запутается. До Канта подобное определил Декарт, обозначив подход к решению текущих затруднений. Ежели философ начинает рассуждение с итога, выясняя детали, то математик исходит от деталей, достигая с их помощью итога. Посему признаем имма-

нентность суждений Канта.

Поскольку нельзя отказаться от истинного чуждого мнения, лучше согласиться, что всё устроено лучшим из возможных образов, допускающим многовариантность. По этой причине Кант отрицает допустимость полемики в критике чистого разума, так как это сродни толчению воды в ступе. Стоит обратить внимание, о скепсисе и нейтральности речь не идёт. Вполне разумно демонстрировать коварство, убеждая других в верности противоположной собственной точки зрения, когда появляется необходимость успокоить ретивость ораторов. Рано или поздно, преодолев юный догматизм и зрелый скептицизм, человек обязан придти к осознанию чистого разума.

Всё сказанное Кантом в предыдущих разделах следует считать трансцендентальной гипотезой, доказываемую согласно следующим правилам: трансцендентальное доказательство следует заранее обдумать, допустимо только одно трансцендентальное доказательство, оно должно быть остенсивным (прямым), а не апологическим.

Трансцендентальная философия не позволяет делать открытий, она оберегает от заблуждений. Однако, природа позволяет разуму выйти за пределы допустимого, чтобы силой мысли постигнуть кажущееся невозможным. Впрочем, всё неизменно приводит к рассуждениям о свободе воли, бессмертии души, о бытии Бога, и к вопросам человека к самому себе: что я могу знать, что я должен делать, на что я смею

надеяться.

Кант пришёл к основному заключению труда «Критика чистого разума»: делай то, благодаря чему ты становишься достойным быть счастливым. Это канон трансцендентальной философии. Возникает проблематика понимания морали, разрушаемая допусками вольностей различного воплощения в действительности скрывааемых прежде желаний. Необходимо увидеть, что человек должен стать достойным счастья, причём не в своих глазах, а в представлении окружающего его социума.

Подошёл момент окончания изучения критики чистого разума. Философское воззрение Канта родилось спустя тысячелетия развития человеческой мысли, неизменно пребывавшей в борьбе противоречивых суждений. Результат этого противостояния – современный человек, впитавший лучшее из представлений предков о мире. Изначально философы делились на сенсуалистов (Эпикур), считавших мир прежде всего познаваемым чувствами, и интеллектуалистов (Платон), отдававших в познании мира главное значение рассудку. В отношении к самому познанию на эмпириков (Аристотель и Локк) и ноологистов (Платон и Лейбниц).

Теперь появилась примиряющая философия, согласная со всеми и выступающая против всего. Дал ли Кант миру то самое, что так желается видеть в его работе? Или человечество взяло всё лучшее от трансцендентального и трансцендентного, отринув призыв к необходимости допускать все

высказываемые суждения? Думается, борьба с мыслящими иначе никогда не закончится, так как в ней и заключается стремление человека к обновлению им известного.

01.10.2017 (<http://trounin.ru/kant81-8>)

Павел Басинский «Лев Толстой: Бегство из рая» (2010)

Павел Басинский уверяет – Лев Толстой бежал из Ясной Поляны. Бежал так, как неоднократно поступал ранее, ежели ему требовалось забыть старое и перейти на новый уровень. Бежал так, как заставлял бежать героев своих произведений. И жизнь он завершил тем же самым образом, почти наложив на себя руки. Теперь предстоит понять, почему ему всегда хотелось бежать, и допустимо ли это называть бегством.

Исторически верно, что Толстой покинул имение, а затем погиб. Хотел ли Толстой умереть, или он не хотел умирать? Этот спорный момент не имеет ответа. Важно другое, как был построен рай. Вот именно на этом делает акцент Басинский. Начиная с получения наследства и женитьбы, вплоть до последних дней, рай не раз разрушался и заново отстраивался.

Рай разрушал сам Толстой, не умевший принимать чужого мнения. Да и не было рая, ибо неоткуда ему взяться. Ясная Поляна не приносила прибыли, дети умирали, жена искала способы обеспечить потомству будущее. Обыденность расшатывалась представлениями о религии и авторском праве, неизменно становившихся предметом жарких обсуждений в обществе. Умиротворение не поселялось в душе Толстого. Уж если о чём говорить, то о пекле, от жара которого

он в итоге сторел.

Но Басинский идеализирует представленного читателю человека. На страницах биографии Лев Николаевич обретает черты, достойные всяческого уважения. Любое обстоятельство становится отражением положительных качеств. Даже любвеобильность графа, в том числе и его измены жене, не порицается. Превозносится конфронтация с церковью, где Басинский на стороне Толстого.

Толстой воспринимается таким, какой он составил о себе образ. Написанное в письмах обязательно принимается за правду. Сказанное в литературных произведениях неизменно связано с личной жизнью писателя. Будто творческие порывы человека способны дать представление о нём самом. Заблуждаясь, Басинский ведёт повествование в ложном ключе неверного восприятия, словно выступая с защитной речью.

Апология от лица стороннего наблюдателя – не может являться объективной информацией. Не вина Басинского в заинтересованности жизнью Толстого, вследствие чего он не может всесторонне раскрыть некогда происходившее. Настоящий Лев Николаевич оказался заменён на выдуманного – желаемого быть увиденным. Вместо живого организма – идеальное его изображение.

Порогом кризиса в биографии от Басинского становится желание Толстого разрешить безвозмездно публиковать написанные им произведения. Таковое решение более все-

го отравляло ему существование, поскольку жена не могла примириться с подобным расточительством. Шаг за шагом, воюя с матерью своих детей, Толстой разрушал последнее, вступая в окончательный разлад с семьёй. Тут бы его укорить, показав твердолобый характер, будто бы он не умел разрешать проблемы поиском компромиссов. Басинский предпочитает соглашаться со всем, о чём бы не помыслил Толстой.

Согласно вышеизложенному, не было рая и бегства из него. Не было и многого другого, в существовании чего так любят уверять себя исследователи творчества Льва Николаевича. Басинский не исходил из нового опыта, рассказывая биографию, словно писал школьное сочинение. Он полностью доверился источникам, анализируя их, исходя в суждениях от них же. Дабы не быть обвинённым в неправдоподобии, Басинский твёрдо стоял на позиции современного отношения к Толстому.

Мифы для того и создаются, чтобы вымещать действительность её героизацией. Личность Толстого продолжит блекнуть под напластованиями представлений о нём, пока не заменится портретом идеального писателя, страдавшего из-за личных убеждений и неприятия его частью общества. Писатель должен страдать, иначе ему не о чем будет писать... Должны ведь потомки в произведениях искать следы отражения именно этого.

04.10.2017 (<http://trounin.ru/basinsky10>)

Александр Сумароков

«Вышеслав» (1768)

Узы брака крепки быть должны. Но крепость их тоньше самой тонкой стены. Ударь по ним, и рассыпятся чувства во прах, многое прежде ради крепости мук их приняв. Лишь молодым зримо чувство любви на века, разрушаемое года за два. А потом всё иначе, уж чувства тонки, пойти на разрыв мешает нечто вроде вины. Но есть и иное, когда брак свыше дан – не под силу его разрушить всем нам. И будут те, кто возжаждет разрыва, и те, кому разрыв будет горше смерти эликсира. А ежели всё коснётся высших сил? Сумароков о том как раз трагедию и сочинил.

Когда-то, когда Вышеслав новгородским столом владел, когда древлян усмирить отряд княжеский смел, тогда Искоростень вошёл в русских земель пределы, тогда получили бояре на новых угодьях наделы. Сам град древлян отдан Любосту был, в дар красавицу Вышеслав ещё подарил. И не жалел он о том, он рад тому искренне стал, ибо о проблемах грядущих не думал: их он не ждал.

Человек – всегда человек. Рассматривай хоть XXI, хоть самый ранний век. Страсти одни – других страстей нет. В каждом поколении, на протяжении всех прошедших лет. Поселится любовь, попробуй вытравить потом, крови не проливая, оставаясь счастливым рода отцом. Трагедии

иного требуют сюжета, чьё-то самолюбие должно быть задело. Лучше пусть страдает князь, дабы кровь всё равно пролилась.

Если любит один, то не любит другой. Властелин страны не знает проблемы такой. Коли любит он, будут любить его в ответ, это одна из народных примет. Могут правителя и искренне любить, мучиться бессонницей, не смея забыть. Ответного чувства прекраснее нет, если не мешает иному браку данный обет. Так возник драматический расклад, разрушивший ожидания царских услад.

Пролить кровь, освободить жену от долга жены, дабы тем действием поступить на благо страны. Но вот проблема, долгом определённая, с совестью народной вместе рождённая. Нельзя во имя страсти забыть о чести своей, сколько слёз об упущенном сейчас не пролей. Упущен момент, значит жить без взаимной любви – в том заключается благочестие каждый жены.

Как быть? Решение существует? Сердце находящихся на сцене это очень волнует. Кинжалы подняты, готовы пронзить, последствия ошибок тем так легко устранить. И будет любовь, останутся двое, добро поправ, совершив действие злое. Было бы так, ибо так бывает, о чём Сумароков осведомлён: он это знает. В чём же трагический исход, ежели властелин вассала убьёт? Иное случится, поскольку на бунт имеет право вассал, дабы без разума никто его обирать не стал.

Другой поворот предложил Сумароков, к совести кня-

зя русских земель воззав. Залогом справедливости отныне пусть станет он – Вышеслав. Найти решение, усмирив внутренних врагов, вернув на привязь на битву спущенных грозных волков, не претерпев потерь, обретя счастье и жену, совершив для того всего жертву одну. Требовалось показать, насколько готов забыться и умеешь прощать, подданным то умение не забыв на личном примере подать. Отчего не пролиться слезе, коли всё так обернулось? Лишь бы после вражда опять не вернулась.

Запомним пожалуй, важнее государя в стране нет никого. Он принимает решения, и больше никто. От его мнения зависит итог, его дела – всем нам урок. Однако, не ему одному решать, когда последнее слово за кем-то другим, то лучше поступиться, это будет самым простым. Ежели счастлив окажется правитель, тому так и быть. Счастливее подданным будет от осознания этого жить.

04.10.2017 (<http://trounin.ru/sumarokov68>)

Стефан Новгородец «Хождение» (середина XIV века)

Русский человек имел достаточно свидетельств о происходящем в мире, чтобы не иметь желания познавать более ему сообщаемого. Информация присутствовала в ограниченном виде, причём довольно достоверная. Это не приукрашивание действительности измышлениями фантазии, а результат личного лицезрения. С посещением Иерусалима можно было ознакомиться в «Хождении» Даниила, о Царьграде сведения получались благодаря «Хождению» Стефана.

Издали Царьград примечателен возвышающимся на столпе изваянием Юстиниана Великого верхом на коне в саранских доспехах. Следуя по Царёву пути придёшь к статуе Константина и увидишь секиру Ноя. В монастыре святой Богородицы хранится голова Иоанна Златоуста. Ещё можно увидеть икону, писанную Лукой-евангелистом. Город выделяется готовностью отразить нападение, когда бы оно не случилось. Такова основная информация, извлекаемая из текста.

Стефан являлся паломником, прежде всего его интересовали места, пропитанные связью с Иисусом Христом и всем прочим библейским. Помогать ему в посещении святых мест никто не желал, поэтому сказание об увиденном не обросло традиционными слухами. Крайне сухо, говоря об основном, Стефан поведал обо всех посещённых им местах.

В «Хождении» нет ничего о нравах и обычаях, словно путник не смотрел по сторонам, видя лишь достопримечательности, либо он специально не распространялся далее, задавая следующим за ним паломникам цели к лицезнению. Людей интересовало не текущее положение дел, а откуда вышла их религия. Не так много имелось нужного для обозрения. Может потому игумен Даниил в своём «Хождении» почти не упомянул о Царьграде.

Дальнейшее путешествие Стефана лежало в Иерусалим. До нас не сохранилось сведений, как он дошёл до святого города и вернулся обратно. Стоит предположить, что переписчикам хватало составленных Даниилом свидетельств, чтобы оставить в забвении иные впечатления. Прочим, кто узнавал о хождениях Даниила и Стефана, информация могла подаваться в виде единого произведения.

Кто шёл со Стефаном? Сам автор говорит, что с ним шло восемь путников, он же – грешный – следовал за всеми. Датой посещения Царьграда принято считать 1348 или 1349 год. Никакой другой информации об авторе «Хождения» не сохранилось. По этой причине думать можно о разном: всякое предположение окажется похожим на правду. То всё равно не имеет существенного значения – Царьград, в отличие от Иерусалима, изменился разительно, лишившись большей части описанных Стефаном достопримечательностей.

Толкового представления о Византии середины XIV века

составить не получится. Навсегда утраченное осталось в воспоминаниях, к которым теперь может обратиться за сведениями желающий, дабы составить общее впечатление. Задумываться о происходивших в прошлом событиях на землях Царьграда допустимо, как и предусмотреть скорый крах сей империи – Греческого царства – близкого к осуществлению события.

Другой интерес, проявляемый к Стефану, как он мыслил себя. На страницах «Хождения» путник, идущий по святым местам. Он не видит людей и не показывается сам. Он – безликая фигура, отправившаяся в путешествие. Неизвестно откуда он идёт и какова истинная цель. Нужно знать, как подходить к излагаемому материалу, чего сделать из-за обозначенных затруднений нельзя. Кем вообще был Стефан? Существовал ли он на самом деле? И было ли предпринято путешествие в Царьград и Иерусалим, или «Хождение» впитало сведения из разных источников? Всего этого не установить.

Остаётся принять сказанное Стефаном за правдивое изложение. Иная точка зрения допустима, но не имеет смысла. «Хождение» стало литературным памятником, важным за факт его существования, а не за содержание. По таковому разумению полагается с ним ознакомиться и вынести ряд полезных суждений.

04.10.2017 (<http://trounin.ru/stephan>)

Эмиль Золя «Новые сказки Нинон» (1866—85)

Минуло десять лет. Нинон уже не маленькая девочка. Она стала девушкой. И потому теперь ей допустимо рассказывать истории о настоящей жизни. Да и Золя уже не настолько юн, чтобы полагаться на чужое мнение. Теперь Эмиль состоялся в качестве писателя, он приступил к созданию отражения будней семейства Ругон-Маккары. С 1866 у него имелись рассказы, которым он нашёл место в опубликованном в 1874 году сборнике «Новые сказки Нинон». Вплоть до 1885 года рассказы добавлялись. Теперь, объединив их вместе, допустимо сказать, что Золя поведал истории о самом себе, где соединились фантазия и суровая реальность.

Обыденность периодически превращалась для Золя в болото. Он старался вытянуть себя из трясины, неизбежно утопая сильнее. Всегда кто-то ему помогал, не позволяя отчаяться. Но толку от того не было, ибо Золя критически оценивал настоящее, видя, как болото раскинулось не перед ним одним. А так как человека, зарабатывающего пером, прежде всего кормят читатели, то приходилось голодать и самому Золя, ведь на еду мало кому хватало.

Посему, не вдаваясь в тяжёлое ожидание голодной смерти, Золя начал «Новые сказки Нинон» с лирического эпизода. Он и Нинон собирают сочную землянику. Местность усы-

пана ягодой, но потребной в пищу почти нет. Какая же радость ожидает способных найти столь желанный плод. Эмиля манила не сама «Земляника». Ему хотелось быть ближе к Нинон. Он желал от неё поцелуя, хотел обнять её девичий стан. Желая полакомиться, они ищут иные средства осуществления желаемого. Любовь идёт рядом с ними, не показывая своего присутствия. И сытая жизнь их ждёт впереди, никак не проявляясь.

Почему бы не вспомнить о детстве? Знал Золя в годы учёбы бедняка Мишу. Сын крестьянина, тот воплощал мечты отца. Не обладающий умом, он честно расплачивался за пот родителя обретением знаний. И стал бы «Верзила Мишу» важным человеком, далёким от труда землепашца, сохраняя он непоколебимый дух. Беда же заключалась в том, что общество толкает молчаливых обывателей на кому-то угодный бунт, омрачающийся для них потерей всего. Так и Мишу, поддавшись желаниям толпы, окажется в числе тех, кому кормиться по примеру предков. Активная жизненная позиция не требует выражения, когда она угодна другим. О том Мишу не знал. Не знал тогда о том и Золя. Ему желалось наполнить брюхо, а над крахом чужой жизни ему пришлось задуматься много лет спустя.

Поняла ли Нинон первую рассказанную ей сказку? Она сообразительная. Если выводов не сделала, то сделает их позже. Как задумается над историей «Воздержания» викария, так и о «Плечах маркизы». Событийность меняет че-

ловеческие нравы, пугающие стремительным бегом в разные концы понимания свойственной людям морали. Сегодня допустима обнажённая грудь, завтра будет полный запрет на обнажённую кожу. И так во всем, чего касается мысль человека. Его всегда манит недоступное, никогда не становясь необходимо близким. Когда грянет гроза, тогда молния пронзит небеса и даст новую веру в прежде отрицаемое, либо порицаемое.

Нинон отдохнула. Поэтому Золя рассказывает историю «Мой сосед Жак» – она про факельщика, участника похоронных процессий. Постыдное занятие пугало Жака. Он стеснялся друзей, родственников и семьи. Оставалось переодеваться вне дома, лишь бы у дочери не развились комплексы. Зато столь гнетущее положение гарантировало сытую жизнь. Чего только не наслушался Золя от соседа, ведь именно у него дома факельщик оставлял рабочую одежду. Но и Жак когда-нибудь умрёт, а о его жизни если кто и вспомнит, то не дочь – вспомнит сосед Эмиль.

Раз разговор коснулся девочек, значит пора вспомнить про юных француженок. Знал Золя «Лили», тётеньку лет семи. Во всём она слыла за взрослую женщину, кроме возраста. Да, Лили не являлась тётей, что ей не мешало модно одеваться, вести светские беседы и осуждать по-детски наивных мальчишек. Можно улыбнуться над такой ситуацией, представив её комичность. Однако, дочери Евы всегда взрослеют не по годам, тогда как сыновья Адама до старости иг-

рают, не придавая значения происходящему с ними. Ничего нового и поучительного – только факт повседневности.

За весёлыми отступлениями не получается забыть о тяжести жизни. В историях Золя появляется «Кузнец», самостоятельно ковавший доступный ему удел. Появляется и «Безработица», молча приходящая на производство. Она заставляет закрываться предприятия и не позволяет работать желающим трудиться. Трагические обстоятельства приводят к осознанию ненужности. Зачем городам население, не способное найти применение силам? Парадокс сложился согласно пресыщению производства рабочими, более не требуемыми в прежнем количестве. Грустно осознавать, что когда-нибудь понадобится всего один представитель человечества, чтобы наблюдать за планетой, а то и не потребуется даже он.

Мирная жизнь отступает перед войной. Если исчерпана экономика – требуется добыть ресурсы другого государства. Голод порождает тягу к принесению лишних ртов в жертву золотому тельцу. Пастораль «Деревушки» наполняет реки кровью, «Воспоминания» полны от кровавых слёз, «Четыре дня Жана Гурдона» ведут через страдания к чему-то похожему на счастье последних дней. Золя не устаёт наполнять истории личными переживаниями, открывая читателю спрятанные в душе впечатления от былого.

И вот возникает недоразумение. Разве несчастье человека не лучшее из всего имеющегося у него? Отсутствие надежды, голод, смерть – мрачная перспектива. Впрочем, сытая

жизнь тяготила бы человека даже больше. В пример стоит обратить взор на братьев меньших – на котов. Что есть «Котачий рай»? Для одних – пространство в четыре стены, свобода в ограниченных пределах, сытая еда и ленивое созерцание действительности. Для других – отсутствие стен, полная свобода, энергичный труд и желание брать всё доступное, не ожидая помощи. Два различных взгляда, где придти к общему мнению не получится.

На том сказки Нинон заканчиваются. Через следующие десять лет её может уже не быть. Жизнь выжмет соки и опустит опустошённое тело в гроб. Человек рождается, дабы умереть. Он будет ждать многого, но всегда останется недовольным, и после отпущенного срока закроет глаза. Остаётся пожелать, чтобы никто ничего не желал. Но такого не произойдёт – не тебе, так другому потребуются добиться перемен.

04.10.2017 (<http://trounin.ru/zola1874>)

Эмиль Золя «Снег», «Вдовы», «Жертва рекламы» (1860)

Жизнь гадка! Об этом следует писать. Пусть кровоточат зажившие раны и покрываются гноем. Никакой жалости, ибо зачем? Ещё не открыто понимание импрессионизма, но деятели от изобразительного искусства и литературы, к коим следует причислять и Эмиля Золя, создавали новое понимание происходившего во второй половине XIX века. Требовалось отказаться от демонстрации наглядно видимого, так как за чёткостью представления скрывалась истинная сторона действительности. Лучше заменить точность, дополнив отображение широкими мазками, заставляющими задуматься, что скрывается под их толщей.

Молодой Золя, ему двадцать лет, он думает о будущем, никак себе его не представляя. Кем станет Эмиль? Неужели большим писателем и влиятельным человеком, способным громогласно обращаться к современникам, чью могилу после смерти перенесут в Пантеон? О том не стоит думать. Слава пройдёт и падут усыпальницы, в зависимости от надобности некоего текущего момента. Важно происходящее сейчас, так плохо доступное пониманию потом. Тем не менее, частично согласившись с мировоззрением Золя, следует начать изучение его творчества.

Наследие Эмиля огромно. Полностью оно доступно толь-

ко знающим французский язык, остальным приходится собирать тексты по крупицам. Благо имеется несколько собранных сочинений, удобных для ознакомления. Не станем перераспределять внимание, поскольку интерес представляет непосредственно автор, начинавший путь в литературу с рассказов.

Сразу обратим внимание на рассказы «Снег» и «Вдовы». Они отражают устремления Золя на весь дальнейший период творчества. Основное наблюдение – всё неизменно становится хуже. Но и раньше всё было плохо. Видел бы Золя Париж начала ХХI века, дабы без пользы не кручиниться. Почему Эмиль не мог заметить обогащение человека событиями и нововведениями, несущими более радости, нежели грусти? Не знал Золя и о впечатлениях русских путешественников, знававших Париж ХVIII века, забывавших обо всём, стоило вдохнуть запах текущих по городским улицам помоев.

Человек обречён сравнивать одно с другим. Золя переполнялся ожиданиями лучшего, поэтому с отвращением смотрел на обыденность. Если снег сам собой обозначает путь от светлого, лёгкого и несущего свежесть к почерневшему комку, пачкающему руки, то осознавать быт вдов гораздо тяжелее. Женщинам нечего есть и у них единственная возможность заработать деньги – продавать тело. Их положение усугубляется незнанием судьбы мужей, не обязательно погибших на войне. В любой момент мужья вернутся, принеся сы-

тость в оскудевший дом, но пока они отсутствуют – следует относиться к ним как к погибшим.

Если не использовать аллегорий и говорить прямо, тогда придётся обратиться к рассказу «Жертва рекламы», актуальному со дня написания и до заката человеческой цивилизации. Пусть Золя излишне серьёзно подошёл к рассмотрению ситуации, написав сатиру, он оказался прав. Показываемое на страницах даёт понимание о положении успешных людей наоборот, создавая представление о конечных потребителях. Всем нам желается заполучить нечто полезное, в отдалённой перспективе являющееся бесполезным.

Для человека важной является лишь эта секунда. Она обеспечивается за счёт выполнения кажущейся необходимости. Через секунду потребность устаревает, заменяясь новой. Что тогда делать с грузом накопленного прежде? И тут разговор не о вещах, продуктах и прочем: аналогично человек поступает со всем, с чем ему приходится сталкиваться... вот в эту самую секунду.

Кажется, Золя понимает о чём говорит, несмотря на молодой возраст. Он критически оценивает с ним происходящее, считая нужным делиться с людьми результатами размышлений. Видя человечество на коленях, Эмиль как бы вспоминает, что некогда оно стояло на ногах, а завтра упадёт и никогда не сможет подняться. В его словах имеется истина, ежели читатель готов принять её именно с таким мрачным оттенком.

06.10.2017 (<http://trounin.ru/zola60>)

Эмиль Золя «Осада мельницы», «Три войны» (1874)

Не воевать человек не может. Всякий когда-нибудь берёт в руки оружие, если появляется к тому необходимость. Но почему необходимость вообще возникает? Разве нельзя мирно разрешить затруднения? К сожалению, нельзя. Но ведь можно, если приложить усилие! Только для этого придётся погибнуть во имя личных убеждений, пав от рук воинственно настроенных. Значит, провозгласить отказ от человеческой агрессии возможно, принимая факт вынужденного соглашения с трагической развязкой. Литературные персонажи тоже умирают с чувством выполненного долга – они справились с собой, а мир справился с ними.

Война вдохновляла Золя, как всё прочее – вызывающее негодование. И поскольку Франция на протяжении XIX века без устали воевала, Эмиль видел испытываемые людьми страдания. В качестве примера он решил рассказать историю молодого бельгийца, для которого нет правых участников боевых действий: внутренние дела французов и их противостояние внешнему миру никак его не затрагивало. Но обстоятельства сложились таким образом, что ему придётся воевать, чтобы защитить дом и семью.

Как об этом рассказать? Золя решил излишне драматизировать события. На героев практически рухнет небо, забрав

надежду на будущее. О чём мечталось, то подвергнется забвению. Это к вопросу о смысле человеческой жизни. Получается, смысла нет. Требуется прожить определённое время и умереть. Не имеет значения, оставит ли человек потомство. Зачем плодить новых убийц или жертв во имя исполнения задуманного природой механизма? Особенно тяжело воспринимать, когда гибнут люди, не подготовившие себе замену.

Сторонние мысли возникают не из желания задуматься о жестокостях мира. Золя предвещает последствия катастрофического поражения под Седаном. «Осада мельницы» – не воплощение ждущего падения Парижа. Человек защищал дом от врага, пришедшего из-за деятельности политиков, не сумевших организовать сопротивление, вследствие чего силы Пруссии вторглись внутрь страны. Не один дом они разрушили, пока не дошли до защищаемой бельгийцем мельницы. Осталось сдать или оказать сопротивление. Выбор был сделан заранее. И именно героям произведения погибать за интересы других, хотя война не имела к ним отношения.

Человек умеет найти применение знаниям. Была бы необходимость в их применении! Всё снова идёт к войне. Навыки охотника пригодятся для быстрого убийства солдат вражеской армии, способность ориентироваться на местности – поможет договориться обойтись без очередного кровопролития. Да нет ничего простого, так как его жена французен-

ка. согласишься – останешься без любимой. откажешься – будешь расстрелян. войне безразлично, если никто не желает воевать.

двенадцать пуль завершат дело. И Золя закончит рассказывать историю осады мельницы. без тонкой игры на струнах человеческих душ, но со втоптаным в прах разорванным читательским сердцем.

на схожую тематику в том же году Эмиль написал «три войны». Менее драматическое полотно судеб, отражающее настроение людей, не до конца понимающих смысл человеческой вражды, являющейся будто бы всего лишь игрой. ведь увлекательно следить из средств массовой информации за передвижениями войск, устраивать словесные диванные баталии, определяя правых и виноватых, давая собственное неопровержимое объяснение происходящему. Оказывается, это так просто – знать нюансы конфликта. И не имеет значения сколько сторон в нём участвует. Каждый является воюющей стороной, покуда он позволяет допускать самую мысль о допустимости противостояния, тогда как на планете не существует двух полностью схожих мнений, тем более, если затронуты интересы множества людей одновременно.

Почему так ярко и волнующе? Всего четыре года прошло с момента битвы при Седане. Впечатления тех дней оказали сильное впечатление на Золя. Допустить повторение? Не надо.

06.10.2017 (<http://trounin.ru/zola874>)

Эмиль Золя «Наводнение» (1875), «Ракушки господина Шабра» (1876)

Не только война лишает жизнь смысла. Аналогичное проявление по отношению к живущим на планете организмам допускает сама природа. Постоянство в одном – в необходимости разрушать прежнее, давая дорогу новому и редко совместимому с имевшим место быть ранее. Золя предложил читателю представить ситуацию, когда прибывает вода, сперва скрывая землю, после доходя до крыши и полностью поглощая дом. Гибнут животные, потом приходит очередь людей. Практически библейский потоп в миниатюре.

Вода даёт жизнь, она же её отбирает. Люди знают, где нельзя селиться, однако надеются на лучшее. Ежели подтапливало год от года, так тому и бывать. Однажды приходит понимание ошибочности такого мнения. Осознаётся это слишком поздно. Поздно взывать к небесам и искать в Боге спасителя. Природа не остановит ход, уровень воды будет повышаться. Слабые духом утонут, не имея сил ожидать неминуемого трагического исхода. Сильные волей постараются продержаться.

Зачем Золя лишал действующих лиц рассказа «Наводнение» всего ими нажитого, в том числе и самых близких им людей? С погибшим хозяйством они готовы смириться, смирятся и с погибшими животными, даже с уготованной им

судьбой согласятся. Вода продолжит прибывать, лишая последних надежд. И в момент утраты всего нажитого становится осязаемой истинная ценность человеческих устремлений.

Не имея ничего, человек стремится к чему-то. Но и имея нечто, человек всё равно продолжает стремиться. Вода обязательно схлынет, словно её не было. Будет больно вспоминать про утраченное. Снова появится чувство враждебности, словно не преподнесла жизнь урок.

Человек не должен меняться, оставаясь в согласии с требованиями природы. Он просто не должен отступать перед затруднениями. Нужно обязательно помнить об ожидающем крахе, каких бы вершин не удалось достичь. Порою случается так, что оказавшись на вершине, находишься на крыше погружающегося в пучину дома.

Иной сюжет Золя представил в рассказе «Ракушки господина Шабра». Семейная пара приехала на курорт, дабы набраться сил для продолжения рода. Это им посоветовал сделать лечащий доктор, заподозривший бесплодие у одного из супругов. Согласно тогдашним представлениям о лечении, паре следовало сменить климат и есть больше моллюсков. Морская диета и прежде оказывала положительное воздействие.

Безусловно, Эмиль решил подшутить над читателем. Эффект поездки на курорт всегда оправдывается, учитывая случающиеся в условиях жаркой погоды тайные встречи

с противоположным полом: муж засматривается на загорелых красавиц, а жена – на подтянутых красавцев. Немудрено, если лечение окажется с положительным значением. Самих видов достаточно, чтобы прежде пассивное перешло в статус активного. Морская диета обязана помочь супругам. Они будут премного благодарны доктору, подсказавшему им настолько действенное средство.

Согласно повествовательной линии Золя, нужно смотреть на понимание рассказа шире. Дарованное свыше счастье будет содержать червоточину. Вроде бы достигнуто желаемое, жена наконец-то забеременела, но не всё окажется настолько ладным, как того хотелось. В жизни излишне много скрытых от понимания течений, уловить суть которых никогда не получится. Результат деятельности на самом деле обесценивается, хотя продолжает считаться достигнутым.

Снова читатель приходит к пониманию тщетности сущего. Думается, эта мысль не касалась мыслей самого Эмиля. Анализируя его творчество, иного вывода сделать не получится: настолько повествовательная канва пронизана криком отчаяния. Ежели с войной и стихийным бедствием этому есть наглядное подтверждение, то в случае житейских катастроф очевидное остаётся вне пределов осознания. Вроде бы человек становится счастливым, не подозревая, как ему в очередной раз не повезло.

07.10.2017 (<http://trounin.ru/zola1875>)

Эмиль Золя «Как люди женятся», «Типы французского духовенства» (1876)

Читатель редко задумывается, чем и как живёт писатель, творчеством которого он интересуется. Но почему это должно его волновать? Важно непосредственно литературное произведение, тогда как написавший его человек всегда остаётся в стороне. Конечно, параллели будут проводиться, но далее понимания труда дело не пойдёт. В отношении Золя для русскоязычного читателя имеется поправка, ему практически неизвестная. Она заключается в том, что Золя часто оказывался на мели, и спасала его русская периодика, печатавшая неостребованные в родной стране Эмиля произведения. Нет нужды разбираться, какие из них появились сперва вне Франции, так как это лишь любопытная деталь, особого внимания не требующая.

Опять же, в России на протяжении двух веков активно интересовались всем французским. Не утратило это значения и ко времени творчества Золя. Не секрет, что Париж – это особый город в пределах европейской цивилизации, определяющий развитие мировоззрения людей Запада. Начинаясь во Франции переходит на соседние страны, после распространяясь по миру. Таковая особенность должна пугать,

но и требует пристального внимания, дабы не допустить фатальных перемен.

Собственно, Золя если о чём и предупреждал, то скорее о деградации нравов, должных погибнуть во Франции: им нисколько не следовало быть вне её. Таково частное мнение, достойное оказаться оспоренным. Так или иначе, нравы французов мало отличались и отличаются от прочих европейских, скорее опережая их за счёт любви к уважению человеческого стремления добиваться лучшего из возможного, либо невозможного.

В 1876 году Эмиль написал два очерка, сходных по смысловому содержанию: «Как люди женятся» и «Типы французского духовенства». В форме беллетристического рассказа, Золя кратко изложил ряд историй, якобы раскрывающих основные возможные варианты. Например, разбирая браки, Эмиль предложил самые простые, где сходятся люди одинакового социального положения: дворянин женится на дворянке, а буржуа, ремесленник и рабочий соответственно на людях своего круга. Каждый из них живёт разной жизнью, неизменно заканчивающейся гробовой доской.

Согласно изложению Золя, человеку отведена определённая модель поведения. Из обозначенных первоначальных условий выбраться нельзя, поэтому рабочему нет смысла рассчитывать на брак с дворянкой, а ремесленнику нечего делать с женщиной-буржуа. Это усреднённое понимание, однако имеющее отношение к большинству случающихся

в действительности браков. Получается, Эмиль разделил общество на части, не подразумевая возможности их слияния. Либо формат очерка не подразумевал более нужного, чтобы не волновать и без того тяжёлое положение омрачавшей XIX век угрозы тотального взрыва низов против верхов. Впрочем, во Франции низы не раз сметали преграды.

Французское духовенство удостоилось от Золя аналогичной порции нелестных слов. Только читателю то будет без надобности, поскольку и без того ныне известно, как Эмиль развернётся в последнее десятилетие своей жизни, частично его посвятив написанию антиклирикальной трилогии «Три города», затронув данную тему и в произведении из цикла «Четвероевангелие», ставшее последней крупной работой Золя, опубликованной посмертно.

Не станем стараться увидеть нечто ещё сокрытое, ибо Золя стоял на позициях натурализма, требуя от писателей максимальной прозрачности излагаемых сюжетов. Если Эмилю хватило немногих слов для выражения позиции, значит не стоит додумать сверх тут сказанного, поскольку всё равно пришлось домысливать. Оправдание этому имеется: в отличие от современников потомки оценивают труд писателей прошлого в разрезе происходивших до, во время и после событий, имевших непосредственное влияние на или вытекавших напрямую из.

Много воды утекло, как изменились порядки среди людей. Не так сейчас женятся люди, а вот духовенство возмож-

НО и осталось прежним.

07.10.2017 (<http://trounin.ru/zola1876>)

Эмиль Золя «В полях» (1878), «Праздник в Коквилле» (1879)

Золя подметил особенность – раньше человека не интересовала природа. Никто не обращал внимания на зелень и течение реки, поскольку не видел в том существенной надобности. Однажды, с подачи Руссо, всё изменилось. Если прежде горожанин не имел представления о жизни за городскими стенами, то теперь его потянуло проводить свободное время вне давящих узостью улиц и спёртого запаха испарений от продуктов человеческой жизнедеятельности.

Почему, замечает Эмиль, Лафонтен писал о животных, но только тем и ограничивался? Разве мог знаменитый баснописец обойти вниманием столь уникальное явление, причём распространённое повсеместно и в гораздо больших количествах? Получается, Лафонтен не видел в том надобности. Попробуй теперь посмотреть на лес и водоёмы взглядом прежних эпох, как ощутишь скорее боязнь перед силами природы, либо вообще не придашь значения шелесту листьев и журчанию воды.

Может человек научился использовать силы природы на удовлетворение своих потребностей? Золя говорил не об этом. Не наступил ещё момент, когда люди задумаются о варварской вырубке леса и прочем, отчего будет стремительно изменяться ландшафт, заставляя человека отдалять-

ся в менее испорченные его присутствием места.

Золя видит лишь стремление людей проводить время в полях, лесах и на водоёмах. Он в восторге, чем и спешит поделиться с читателем. Вдруг кому-то неведомо чувство прекрасного, продолжающего оставаться скрытым от внимания из-за сидения в четырёх стенах.

Впрочем, всякому человека требуется потребная ему одному радость. Ему может и не нравиться природа, когда ближе к сердцу нечто другое, вроде пристрастия к алкоголю. Тогда уже и не важно, как шумит ветер и капает дождь, куда мысль касается удовлетворения низменных потребностей, обрекающих человека жить внутренне ярко и внешне серо.

Допустим, имеется деревня Коквилль, её населяет шантрапа, предпочитающая жить без лишних раздумий. Зарабатывают жители с помощью грабежа и других преступных способов получения денежных средств. Теперь представим, что рядом с этим поселение затонуло судно. И вот теперь ежедневно к берегу прибывает бочки с алкоголем, причём всегда с разным. Кто удержится от такого дара? Вот и причислил каждый житель деревни себя к гурманам, стремясь определиться с наиболее ему нравящимся напитком.

Не эксперимент ли это? Может некто проводит опыт над населением Коквилля? С чего бы такое счастье? Золя не думал далее явного. Подобная история могла произойти на самом деле. Осталось домыслить детали. Вроде предположе-

ния, что обилие разнообразного алкоголя губит вкус, что будет без разницы, что именно пить, так как нужно только пить, и только пить.

Напившись, человек перестаёт различать, где он находится. Он скорее окажется связан мёртвым сном, забыв об его окружающем. Какая тогда ему может быть разница, какими являются деревья и отчего их созерцание должно даровать радость. Хоть и нет существенной разницы между людьми, всё-таки имеется определяющее сходство – искать способ забыться. И тут как раз и возникают различия: одни отдыхают на природе, другие – тонут в вине, третьи – с упоением наполняют страницы текстом.

Любое мнение остаётся личным мнением его высказывающего. Золя не придерживался чёткой позиции, постоянно высказывая противоречивые суждения. Ему хотелось одного, но сам он поступал иначе. Пока это не так ясно, как окажется в будущем. Золя продолжал бедствовать, страдая от желания выразить явную позицию по беспокоящим его изменениям в общественной жизни.

Посему всем на природу, захватив съестных припасов. Прежде праздник, грусти предаваться предлагается после.

07.10.2017 (<http://trounin.ru/zola1878>)

Эмиль Золя «Госпожа Нежон» (1879), «Госпожа Сурдис» (1880)

Любовь мешает. Она туманит мозг и не позволяет размышлять. Но именно в любви человек находит отдых от суетности мира, теряя тем самым последние остатки здравого смысла. Внутренне он может понимать, что поступает против себя, ничего не умея сделать с этим. Таким положением могут воспользоваться в корыстных целях. И пользуются! Рассказы Золя «Госпожа Нежон» и «Госпожа Сурдис» тому в подтверждение.

Молодой человек приезжает в Париж, незнакомый ему город. Он сын влиятельного родителя, однако не познавший в должной степени разврата. Едва ли не ангел, честный по натуре и готовый помогать другим. Каково ему будет войти в свет, где друг способен предложить жену для удовлетворения интимного любопытства? Разумеется, не из лучших побуждений, а преследуя определённые цели. Мир не переломится от одной ночи, зато устроится жизнь на долгие годы вперёд. Реальность многограннее фантазий, поэтому добро никогда не оборачивается его творящему той же стороной, выбирая любую другую незадействованную ранее грань. Лишь по данной причине всё приводит к печальному завершению.

Либо другой молодой человек оказывается введённым

в мир богемы. Он – бедный художник, имеющий некоторого рода талант рисовать нечто вроде принимаемого за продукт изобразительного искусства. Самому не заявить о себе, не умея привлечь ценителей прекрасного, а то и просто ценителей должного считаться прекрасным, так как за это следует отдать крупную сумму, пускай и редко когда оправданно. Тогда он добивается любви богатой дамы, становясь её смыслом жизни, брендом в её помыслах, должном возвеличить фамилию до статуса повсеместно узнаваемой.

Итог всего этого известен. Человек меняется, более не представляя из себя прежнего. Невинность рассыпается, стоит ей столкнуться с настоящей обыденностью. Жестокость внешней среды уничтожает любовь и ставит перед осознанием очевидного. Кто-то смирится, а другой ударится в тяжкие, находя радость на дне стакана. Не будет смысла возвращаться к прежнему состоянию влюблённости, неизменно всегда переходящему в стадию апатии и вынужденной привязанности.

Инициативой завладеют другие люди, знающие истинную цену жизни. Они воспользуются новым положением, поскольку иначе быть не может. Предав интересы друга, допустимо уйти в политику, где процветает привычка предавать интересы других во имя собственного благополучия. А можно продолжить любить, делая всё возможное, чтобы вернуть пропойцу на светлый путь, украшая мир уже не его, а своими картинами, лишь бы имя семьи не оказалось опороченным.

В человеческих ценностях всегда скрыт подвох. Внимания достойны не те люди, к котором оно приковано. Кузнецами их благополучия выступают совсем другие творцы, чаще прозябающие в безвестности, тогда как именно они создают подлинно уникальные творения: как в виде примера достойного уважения поведения, так и в качестве талантливого художника.

Госпожа Нежон и Госпожа Сурдис стоят на разных позициях, воплощая своими действиями противоположные качества свойственных им натур. Первая старается ради близкого ей человека, предавая влюблённого в неё. Вторая продолжает ценить некогда влюблённого в неё, слишком уставшего от суеты, чтобы отвечать взаимностью. Но будь у госпожи Сурдис возможность сделать нечто, дабы повернуть время вспять, она не стала бы раздумывать, пойдя по схожему пути с госпожой Нежон, которая в свою очередь предельна счастлива, находя отзывчивость в горящем энтузиазмом муже.

Как видно, всё зависит от вторых половин, чей задор всегда привлекает внимание будущих супругов. Никому не нужны аморфные существа: связь с ними допустима, если их талантами или связями можно воспользоваться лишь для выгоды. Такова жизнь.

08.10.2017 (<http://trounin.ru/zola79>)

Эмиль Золя «Капитан Бюрль» (1880), «Наис Микулен» (1884)

Бытие тщетно – вывод из большей части рассказов Эмиля Золя. Жизнь прожигается, оставляя после пепел, развеиваемый ветром. Был человек, словно его никогда не существовало. И погибает он, поскольку не имеет права продолжать жить. Устремления обращаются в ничто, становясь несмысленным позором. Почему-то это понимают другие, а не сам человек. Им же приходится действовать, уберегая человека от продолжения падения вниз. Только любая помощь приводит к мгновенному прекращению мучений, поскольку всё замирает, в том числе и жизнь.

Понять суть повествования рассказов «Капитан Бюрль» и «Наис Микулен» возможно, хоть и сложно. Проще обратиться к одному из них, забыв о втором. Так сформируется желаемое правильное мнение об изложенном на страницах и не будет порождено заблуждений.

Капитан Бюрль – человек в годах, живущий собственными устремлениями, крадущий деньги из казны, тратя их по своему усмотрению, либо не тратя, а направляя на потребности нуждающихся. Всякое подлежит оправданию, но не всякий будет оправдан. Нужно принимать решение, не считаясь с потерями. Вернее, потеря человеческой жизни никого не заинтересует, а пропажа пяти сотен фран-

ков – очень даже взволнует умы проверяющей комиссии.

Так ломается стереотип о важности жизни вообще. Вроде бесценной, а на самом деле оцениваемой с отрицательным значением, что человек вынужден приплачивать, в лучшем случае ограничиваясь расплатой в виде права на продолжение существования. Лишь так смывается позор, каким бы благим образом он не был сформирован.

Права судьи и исполнителя наказания берёт на себя другой человек, старающийся проявлять заботу обо всех. Он – причастный к созданию положительного мнения, горестный радетель и первейший из возможных дуэлянтов. Ему полагалось погибнуть самому, если бы сам Бюрль не понимал, какого исхода он оказался достоин.

Всё ли так, как рассказывает Золя? Подводные течения размывают основу, провоцируя обрушение. Некогда неприступная скала сокрушается за счёт многодневного воздействия на неё незначительных сил, увидеть которые не представляется возможным. Так и Бюрль, опустошая казну, словно не подозревал, как однажды то сложится в крупную сумму, слишком великую, чтобы продолжать оставаться незамеченной. Подобно скале Бюрль обрёл себя на гибель, поддавшись воздействию обязательных, но разрушающих бытие обстоятельств.

В будущем Золя иначе бы посмотрел на Бюрля. Не прогремело ещё дело Дрейфуса. Не пришла пора обвинять власть. Проблема исходит изнутри, никак не навязанная

сверху. Желая облегчить страдания, Эмиль предпочёл завершить дело кровопролитием, тем спасая положение проворовавшегося военного. А если задуматься, что за Бюрля это мог делать кто-то другой? Почему бы и нет, ведь всё в художественных произведениях допустимо в той мере, на проявление которой способен писатель.

Ситуация требовала применения крайней меры задолго до обнародования фактов. Как знать, дело Бюрля могло всколыхнуть Францию и привлечь внимание всей Европы, для чего хватило бы нескольких поясняющих дело обстоятельств. Да не было достаточно ярких примеров. Поэтому Бюрль вышел в произведении Золя жертвой обстоятельств, став их причиной и подготовив тем собственное падение.

Жизнь человека действительно ничего не стоит. Правда и то, что за право умереть нужно доплачивать, тем минимизируя возмущение общества. Сама смерть не окупает прожитую жизнь, требуя дополнительных вложений.

Погибнет ли капитан Бюрль? Он обязан умереть, тем искупив вину, даже будучи безвинным. Так проще, ибо меньше возникнет домыслов, а значит и общество не так взволнуется. Людям было бы о чём судачить, поднимая тем самым мёртвых из могил. Но Бюрль не перевернётся в гробу, он осознал необходимость освободить социум от своего присутствия.

08.10.2017 (<http://trounin.ru/zola1880>)

Эмиль Золя – Рассказы 1882—98

Стоит сообщить ещё о четырёх рассказах: «Как люди умирают», «Старушки с голубыми глазами», «Приманки», «Анжелина, или Дом с привидениями». Нарратив усугубился темой неизменно приближающейся смерти. Действующие лица живут, понимая, время их пребывания среди живых ограничено. Исключением является произведение «Приманки», где повествование строилось за счёт сомнительного предприятия по поиску некрасивых девушек.

Собственно, предлагается начать именно с рассказа «Приманки». В газетах было размещено объявление по поиску уродин. К удивлению их искавшего, к нему обращались довольно симпатичные девушки, которым приходилось отказывать, поскольку они не подходили под требования. Так зачем же понадобились именно страшные на вид представительницы прекрасной половины человечества? Оказывается, бизнес строится исходя из самых разных возможностей, в том числе и с помощью нетрадиционного использования человеческих недостатков. Например, появилась идея реализовать аренду подружек, на чьём фоне любая девушка будет выигрывать. Вот такой прозаической цели и старался достигнуть главный герой повествования. Добиться желаемого ему мешала бедность французов, готовых на многое, лишь бы найти возможность заработать. Если для кого-то

сказанное тут станет злостным раскрытием сюжета рассказа, то надо сразу оговориться – сам смысл критики и анализа литературного наследия любого писателя подразумевает некоторое раскрытие сюжетных линий, но без излишнего пересказа сюжета, когда в том нет необходимости.

На короткие части Золя разбил рассказ «Как люди умирают». Читателю представлены разные люди, обречённые на смерть. На страницах умирают дети, люди в расцвете лет и старики. Каждому из них уготован одинаковый исход, но как к нему отнесутся окружающие? Если смерть ребёнка – трагедия для родителей, то смерть родителя – обыденность для его детей. Умирают и прочие, о ком есть кому позаботиться, а также те, кто безразличен обществу. Все умрут, как к этому не относишься. Европейцы привыкли воспринимать смерть горестным событием. Тут бы стоило задуматься. Ежели человек умирает, прожив благую жизнь, он найдёт спокойствие в ином мире, а ежели часто грешил, гореть ему предстоит в аду. Так почему столько проливается слёз? Лучше прочитать данный рассказ Золя и наконец-то усвоить, насколько просто следует относиться к неизбежному, ведь всё поправимо.

В описательных чертах Золя составил произведение «Старушки с голубыми глазами». Кто они? Читатель должен о них знать. Таковых старушек достаточное количество, дабы имелось желание о них говорить больше сказанного. Эмиль решил дополнительно раскрыть портрет таких людей.

Мог того и не делать. Но раз написал, никуда от этого теперь не деться.

К 1898 году из-под пера Золя вышел рассказ «Анжели-на, или Дом с привидениями». Казалось бы, это мистиче-ская история в духе Эдгара По. Так тому и быть, не разрушь Эмиль интригу в конце повествования. Всему имеется ра-зумное объяснение, иначе этого никогда не могло произой-ти. Поэтому на страницах призрак умершей девочки не про-сто так появляется перед главным героем, вот-вот должно-го раскрыть секрет столь волнующих эпизодов встреч с про-явлением действия потусторонних сил. Не станем лишать читателя удовольствия проникнуться нотками страха, пусть дрожь пробежит по его телу в последний раз, дабы оконча-тельно разувериться в мистификациях, так сильно похожих на правду.

Как видно, Золя не сильно верил в благость человеческой жизни. Ему хотелось видеть людей счастливыми, однако до-стижение этого не казалось возможным. Каждое поколение может размышлять о гуманизме и взывать к проявлению возвышенных чувств, всё равно по-зверски относясь к по-добным себе и опираясь на самые низменные помышления.

08.10.2017 (<http://trounin.ru/zola1898>)

Эмиль Золя «Наследники Рабурдена» (1874)

Эксперименты Золя приводили к его недопониманию современниками, из-за чего впоследствии Эмилю приходилось оправдываться, чего писатель делать не обязан. Литературное творчество может содержать единственную важную особенность, должную соответствовать потребностям читающей публики. Чаще всего создаваемое Золя находилось вне желаемых рамок, резко встречаемое большей частью французов. И когда Эмиль решил создать произведение для постановки на сцене, то столкнулся с очередным неприятием. Золя это понял в качестве неспособности людей принять переосмысление традиций, временно ушедших в прошлое.

Что представляет из себя комедия «Наследники Рабурдена»? Это подобие итальянских пьес, некогда пользовавшихся успехом во Франции, на которых специализировался Мольер. Впрочем, как замечает Золя, живи Мольер в его дни, быть ему освиственным и с позором изгнанным. Эмиля подобное не пугало. Он твёрдо решил представить вниманию зрителя фарс, долго его запрягая, чтобы в заключительной части получить порцию восторгов.

Не всякому дано вытерпеть затянутое вступление. Скорее зритель покинет театр, нежели дождётся начала самого интересного. Воспитанный человек таким образом не поступит,

высидев постановку до конца, и обязательно испытав на себе умение Золя подводить к сути, но не ранее требуемого тому момента.

Немного о сюжете. Папаша Рабурден покинут родственниками. Ему бы их проучить, дабы поняли, как легко они могут оказаться без наследства. Как поступить? Наиболее обыденным способом – представить ситуацию возможного краха их надежд. Затруднений в том не будет, если сам Рабурден от разыгрываемых сцен не умрёт. Зрителю предстоит дожидаться ответной реакции родственников, иначе принять происходящее за фарс не получится.

Папаша малость хитёр, но ему не под силу исполнять задуманную роль. Обманывать нехорошо, как не поворачивай время вспять и не ускоряй события. Лишь бы беду преждевременно не накликают, ведь такое развитие не станет настолько неожиданным. Золя заранее предупреждает, что будет происходить дальше. На этом и строится весь комический эффект. Остаётся наблюдать за реакцией обманываемых родственников: сие кажется весёлым, хотя в действительности весьма скучно.

Дополнительно раскрывать сюжетные линии не требуются. Они итак должны быть понятными читателю. Золя не просто высмеивал представленную ситуацию, он показывал допустимость аналогичного развития событий в любой семье. Не сказать, будто Эмиль стремился именно высмеять, так как показал настоящую изнанку человеческой жизни.

ни. Суть её в прозаическом – жизнь уходит, лишая лучшего и оставляя с грузом бесполезного в дальнейшем имущества, которое отдавать всё равно не хочется.

Рабурден представлен в виде осколка былого. Все, кого он ценил, умерли. Думается именно так, поскольку Золя точно не обрисовывает окружающую его обстановку. Теперь осталось торговаться за право снова считать себя счастливым. Помните Евгения Онегина, чей дядя уважать главного героя поэмы Пушкина заставил? Примерно таковым является и Рабурден, только неготовый умирать, не получив заслуженной по его мнению порции доброго отношения, а также растеряв ранее положенного срока разошедшееся по рукам родственников состояние.

Не так важно, к чему в итоге приведёт представленный Эмилем Золя фарс. Зрителю было о чём задуматься во время просмотра, а читателю ещё не раз предстоит вернуться к избитому ныне сюжету, наблюдая всюду схожую ситуацию по возвращению старшим поколениям уважения с помощью единственно возможного инструмента, граничащего между добрыми помыслами и бессовестностью.

О других драматургических работах Золя предлагается не говорить. Они, конечно, заслуживают уважения, но не являются тем предметом, достойным всестороннего изучения. Вполне достаточно знать об одной комедии «Наследники Рабурдена».

10.10.2017 (<http://trounin.ru/zola1874p>)

Сергей Яковенко «Хроники кладоискателей» (2016)

Всем страстям своё место. Если есть желание искать клад – его надо искать. А если хочется про это написать, так и нужно поступать. Но! Почему добротное повествование должно превращаться в криминальные разборки с воплощением романтики полевых работ под видом умелых проституток? Вместо документальной канвы с элементами собственной практики, Сергей Яковенко предложил читателю мешанину сюжетов, уместив под обложкой детские годы и повествование в духе разборок девяностых.

В чём правда повествования? Во вступлении Сергей говорит, что увлекается поиском кладов. Соответственно и читатель ждёт нечто раскрывающее особенности профессии. В качестве привлечения внимания использованы мальчишки, обнаруживающие с помощью паров мочи указание на расположение сокрытых ценностей. И вроде бы дети должны вырасти, обзавестись семьями и воплотить мечту юности в реальность. Только Сергей пошёл иным путём, создавая временные петли, излишне их перетягивая.

Взять для примера друга главного героя. Изначально лёгкий на подъём, потом ударившийся во все тяжкие, каким-то чудом образумившийся и вроде как переставший вести преступную деятельность. На него возлагаются надежды, так как

финансовая помощь будет исходить именно с его стороны. И тут читатель думает: наконец-то начнётся долгожданное. Петля затягивается. Повествование возвращается далеко назад. Вспоминается дед, даосские практики. Петля затягивается ещё раз. Ожидания окончательно разрушаются.

Не стоит отрицать умение Сергея излагать. Местами он показывает талант рассказчика. Может стоило вместо крупной формы взяться сперва за короткие истории? «Хроники кладоискателей» легко разбить на части, облегчив текст за счёт избавления от сомнительной нужности сцен. Сами хроники, если Сергей желает сохранить объём, следует увеличить по содержанию минимум в два раза, дабы они приняли законченный вид. Разумеется, прежний нарратив тогда придётся оставить, нарастив за счёт проработки основной сюжетной линии по поиску клада. Пока же всё смотрится сценарием для телеканала с криминальными сериалами, чьи сюжеты довольно далеки от действительности.

Ощутимо заметно, как Сергей старается внести элемент полового созревания главного героя, оправдывая тем откладывание поисков клада. То и дело он сбивается на восприятие мира через женщин, концентрируя внимание на чём угодно, только не на нужном. Понятно, так проще придать произведению объём, ведь информация из ничего не формируется, рождаясь в результате долгих попыток продолжить повествование, особенно на первых порах.

Как не пытайся понять, главный герой продолжит оста-

ваться вне происходящего на страницах. При внимательном знакомстве с произведением роль основного действующего лица неизменно принимает друг, тогда как сам главный герой просто выступает в роли рассказчика, взявшегося показать путь к хорошей жизни опустившегося человека. Своего рода сказка нашла воплощение на страницах «Хроник кладоискателей». В художественной литературе и не такое встречается, ежели автору о том захочется написать.

Думается, Сергей так и не понял, о чём он решился поведать читателю. Первоначально он преследовал определённую идею, почему-то давшую крен и выведшую его за границы обозначенной темы. С писателями такое случается постоянно, когда замысел об одном, а книга в итоге пишется про иное. Может и не преследовал Сергей идею частично отразить будни кладоискателей, просто написав историю, придав ей в итоге светлый антураж, непонятно зачем закрыв преобладающую мрачную составляющую повествования.

Грустно в сказанном то, что труд Сергея Яковенко не пробуждает мысль. От прочтения остаётся ощущение прочитанного, следовательно в скором времени обязанного быть забытым сюжета. Не задумываешься о вечном, лишь вспомнишь краткий эпизод прошлого. Поэтому стоит признать – сия книга кладом не стала.

10.10.2017 (<http://trounin.ru/yakovenko16>)

Константин Паустовский

«Далёкие годы» (1946)

Цикл «Повесть о жизни» | Книга №1

Что толку стремиться к спокойствию, если оно отягощает своей пустотой? Человеку постоянно желается быть счастливым и довольным жизнью. А поживи он в бурное время, когда общество действительно разделено на людей, мысли которых разнились не по одному вопросу, а по множеству? Например, захвати он в воспоминаниях начало XX века, как то было с Константином Паустовским. Что тогда? Бурление событий, столкновение интересов, твёрдый настрой на осуществление задуманного – завтрашний день требовал быть реализованным сегодня. Будучи юным, Паустовский оставался невольным созерцателем тогда происходившего. Однако, оно глубоко запало ему в душу, поэтому, достигнув должной зрелости, он решил пересмотреть прежде с ним происходившее.

Самое главное событие детства – смерть отца. Каким бы он не был, чем не занимался и на какие страдания не обрекал семью, отец остался для Паустовского важной составляющей воспоминаний. Это не говорит, что ничего другого не интересовало Константина. Отнюдь, Паустовский внимал всему, чего касался его взор, где-то придумывая помимо действительно происходившего. Понятно, автор имеет право на лич-

ное мнение, но и читатель не должен слепо доверять его словам. Впрочем, не станем мыслить далее, поскольку проще довериться словам автора, не стараясь к ним относиться излишне серьёзно.

Повествование Паустовского не придерживается линейности. За описанием юношества следуют воспоминания о первых впечатлениях, после описание ярких событий, далее снова о мыслях повзрослевшего автора. Какие думы возникали в голове Константина, теми он тут же делился с бумагой. Ежели требовалось рассказать некое предание – ему находилось место на страницах.

Паустовскому хватало о чём сообщить. Во-первых, сам XX век. Во-вторых, непростая родословная со множеством национальностей. В-третьих, связанное с этим разнообразие полученных эмоций. Есть у Константина твёрдое мнение о поляках, украинцах, турках и русских. Ко всему он относился спокойно, не понимая, почему к нему, как к русскоязычному, кто-то мог предъявлять личное неудовольствие.

«Далёкие годы» вместили воспоминания о трагической первой любви, событиях 1905 года, школьных товарищах, большей частью с такой же печальной судьбой. Общество убивало своих членов, не боясь за это умереть само. Обострились противоречия между светской властью и представителями православной религии с населением в ответ на воззрения Льва Толстого. Обострение происходило вроде бы из ничего, потому как кому-то хотелось заявить о собствен-

ной позиции по определённого вопросу. Смирись человек с действительностью, как счастье само постучится в дом. Ничего подобного не происходило, из-за чего желаемого улучшения не наступало.

Паустовскому тяжело давалась юность. Ему приходилось зарабатывать деньги репетиторством, так как характер отца обернулся внутрисемейным разладом. За обучение требовалось платить: спасибо матери, уговорившей ректора разрешить учиться на особых условиях. От Константина требовалась прилежность и ему следовало избегать любых нареканий. Легко представить, насколько тяжело подростку спокойно созерцать, избегая всевозможных соблазнов. Но Паустовский не числился среди благонадёжных учеников, периодически проявляя нрав. Безусловно, не обо всём он рассказывает, ведь не мог он не впитать в себя неуживчивость отца, будто счастливо избежав положенной наследственности.

Слишком отчётливо Паустовский запомнил далёкие годы. Он говорил о них так, словно это случилось с ним на прошедшей неделе. Ему помогал талант беллетриста, остальное заполнялось благодаря фантазии. Читатель может с этим согласиться, либо оспорить данное мнение. Не станем искать причину для прений. Запомним Паустовского именно таким, как он сам себя представил. У него будет ещё возможность поведать о прочих событиях. «Повесть о жизни» только начинается.

11.10.2017 (<http://trounin.ru/paustovsky46>)

Константин Паустовский

«Повесть о лесах» (1948)

Жизнь в привычном нам понимании зародилась только тогда, когда воздух стал насыщаться кислородом. И теперь, видя варварское уничтожение лесов, понимаешь, жизнь благополучно сойдёт на нет, стоит наступить критическому моменту. Если ранее действиями людей руководила жадность, то во время военного конфликта леса вырубались по иным всем понятным причинам, а что будет потом? Неужели снова вырубка из-за жадности или просто из глупости? Константин Паустовский предложил читателю самому решать, прав он в своих суждениях или нет.

«Повесть о лесах» начинается с рассказа о композиторе Чайковском. Его дом находился в окружении леса. Шелест листвы за окном настраивал на творческий лад, позволяя создать ещё одно музыкальное произведение. Но вот оказалось, что лес куплен заезжим купцом, планирующим свести посадки под корень и набить тем себе карман. Чайковскому хватало денег выкупить лес за адекватную цену, не вмешайся в дело жадность купца. Осталось бежать и более не творить.

Не то обидно, как деревья рубят ради прибыли. Раньше лес служил защитой во время вторжения противника. Деревья сажали так, дабы они затрудняли его продвижение, причём пробраться через заросли не могли даже животные. Ум-

ные предки понимали, где растёт лес, там не бывает засухи, ибо так создавалась защита от ветра и следовательно не шла речь о появлении пустыни. Поэтому обидно за нерациональное отношение к зелёным насаждениям, без чьего присутствия жизнь действительно становится невыносимой.

О лесах ли «Повесть о лесах»? Паустовский в прежней мере забывает о линейности. Он желает делиться информацией, не создавая для этого требуемой последовательности. История Чайковского служит своего рода легендой, тогда как основное действие касается рассказа о жизни писателя Леонтьева, нашедшего себя только благодаря пристрастие к природе.

Именно Леонтьев будет пробуждать в читателе чувство любви к лесу, тогда как Паустовский станет сторонним создателем его биографии. В произведении появятся моменты, требующие пристального внимания. Не останется в стороне и тема пожара, тушить который придётся непосредственно Леонтьеву. Природу следует изучать, так как всё на Земле регулируется похожими друг на друга закономерностями. Так, например, ежели необходимо потушить большой пожар, следует раздуть встречный схожий по силе огонь, дабы они обоюдно себя задушили. И жизнь устроена по тому же принципу. Задумав лишить деревьев жизни, оной лишаешь всех, кто живёт рядом с ними, а в перспективе и тех, кто находится на незначительном отдалении.

Не сказать, чтобы «Повесть о лесах» была актуальна для

жителей городов. Однако, наблюдая пристрастие к одномоментным профилактическим повсеместным вырубкам деревьев внутри городских границ, можешь сделать единственный вывод, что человек крайне глуп. Причина этого объяснена в данном тексте ранее. Думая о личном благополучии, забываются нужды братьев меньших, о чьём присутствии дум у бездумных вообще не возникало.

Когда-нибудь произведение Паустовского окажется актуальным. Безусловно, таковым оно будет всегда, но пока этого человек не понимает. Люди заново переосмысляют прежние проблемы, наконец уразумев, к какому закономерному итогу они шли. Конечно, не будет страшных лесных пожаров, поскольку нечему будет гореть. Кислород будет вырабатывать лишь планктон, если к тому моменту и его человечество не уничтожит. Тогда люди опять станут мучиться от бесплотных надежд, обращаться к шарлатанам и взывать к Богу, прося проявить милость и реализовать их мечты. И не получают они ничего, ибо сами пришли к неизбежному. Небесные кары человек всегда творит самостоятельно!

11.10.2017 (<http://trounin.ru/paustovsky48>)

Александр Сумароков

«Димитрий Самозванец» (1771)

Литература – проклятое ремесло, губило людей прежде и погубит многих ещё. Но есть те, кто не может без сочинительства жить, таким суждено сизифов камень в гору катить. И катят они, и откатывается камень назад, пробуждая дискомфорт в мыслях и в чувствах разлад. Криком кричи, осуждаемым быть обречён, в наши дни и в дни тех, кто ещё не рождён. Оставим печали, самозванцев хватает везде, лишь бы слагалось не в усталость себе.

Копилась раздражительность, минуя десятки лет, Сумароков трагедии сочинял, не находя стараниям должный ответ. Он пребывал в конфликте, и конфликт тот плодотворным поныне считается, только одна особенность в расприх поэтов прошлого выделяется. Ни Сумароков, ни другой стихотворец, живший в годы его, представляя что-то, после не представляли ничего.

Как же так? Ведь ладен Сумарокова слог. Рифма лилась: подобен ей речи поток. Смотри и любуйся – сюжет всем на диво. Коли в первый раз видишь, то будешь думать – красиво! А если не первый раз трагедия в исполнении автора в руках, то поймёшь, увидев прежнее и оттого устав. Опять любовь, опять страдания души, опять кинжал, опять желание решение проблем найти. Всё было ранее, есть отчете-

го хандрить поэту, ежели оригинального сюжета со времён «Хорева» нету.

Добавить истории эпизод для верности придётся, о Дмитриии Самозванце слов много найдётся. Погань у власти, от черни на троне сидел, православие предал и поляков призвать он хотел. Свергнуть старые нравы, как свергнул прежнее сам, не ему в болотах топить католиков, вода по лесам. Властелином слыть Димитрию в веках, земли Россов попирая властью своей, не влюбись он в Шуйского дочь, мечтая днём и ночью о ней.

Что Димитрий, важен он кому? Шуйский соглашался дочь отдать в жёны ему. Политика то, а политика – инструмент для интриг, говорить одно, делать иное, и так каждый миг. Если слаб правитель на ложь, и не умеет он правду скрывать, такому государю не дано страной управлять. Пусть Димитрий планы имел, хотел видеть порядки другие, может для оздоровления Руси желал дела делать большие. О том не говорят потомки, ибо сраму полон самозванца удел, святости Россов смевшего ставить предел.

Властелин для народа, по праву рода будто он, не замечая отчётливо слышный металла от подданных звон, Димитрий любил, не видя отраву готовой сорваться напасти, не понимая, что может скоро лишиться обрётённой над русскими власти. Кинжал пустить в ход? Заколоть врагов и заколоть свою любовь? Не остановить царя! Готовь алтарь! Алтарь готовь!

Сумароков предсказуем. Каков будет финал? Чем зрителя поэт ещё не удивлял? Миром закончится всё, али жертвой сделают кого? Из истории известно – Димитрий падёт раньше «тестя» своего. Хоть Шуйский власти будто не алкал, отказываться от регалий он бы не стал. Смута завяжется, ведь Смута творилась в стране. Не находил народ спасения от Смуты нигде. И пока Смута мороком сводила умы, для лиц той эпохи верных слов не найти.

Всегда думать приходит пора. Думать приходится в пору тяжёлых годин, когда общество не знает решения верного способ один. Борение взглядов, интересов и должного быть, но никто не знает, как ему сейчас поступить. Сумароков ответил, найдя скопившимся бедам решение, тем указав на вернейшее для устранения разногласий направление. Правителю решать! И он определится. Как знать, может в будущем какой-нибудь правитель на такое тоже решится.

13.10.2017 (<http://trounin.ru/sumarokov71>)

Василий Новгородский «Послание Феодору Тверскому о рае» (1347)

Прослышал как-то архиепископ Василий Калика о словах епископа Феодора, будто бы рай погиб в тот момент, когда он был покинут Адамом, поэтому ныне того рая не существует. Решил ответить тогда Василий, составив для того послание, сохранённое на память потомкам в летописных и церковных переписываемых свидетельствах. Мнение он высказал не общепринятое, поделившись интересной трактовкой понимания библейских рая и ада, должных пониматься иначе, нежели о них принято думать.

О гибели рая в священных писаниях не сообщается. Более того, есть упоминания, что в рай ходили и возвращались праведники, а также известно о вытекающих из него реках: Тигр, Нил, Фисон и Евфрат. Рай – не чисто духовное понятие, как о том принято думать. Он и не место упокоения души, как и ад – не место для её страданий.

Знает ли потомок библейских времён о действительном назначении рая и ада? Принято думать, якобы в рай после смерти попадают люди, ведшие праведную жизнь или раскаившиеся и прощённые, а в ад – все остальные. Но Василий считал иначе, видимо опираясь на некоторые размышления, достигнутые им во время хождения к святым местам до избрания его архиепископом Новгородским и Псковским. Ка-

сательно рая он исправлений вносить не стал, в ад же грешники направляются не муки испытывать, а страшать дьявола и других падших, усиливая именно их муки, вместо собственных.

Касательно духовного рая Василий считает его допустимость в случае второго пришествия Христа. Это не исключает существование рая вообще, и в любом случае является одним из пунктов религиозной полемики, по сути своей бесплотной, поскольку речь идёт о настолько высших материях, понять которые человек не в состоянии.

Нам неизвестно, что именно говорил Феодор Тверской и ответил ли он Василию Новгородскому. Трудно судить, настолько оба они были сильны в богословских спорах. Единственного доступного послания слишком мало, чтобы делать выводы. Но уже по его содержанию понятно, насколько тяжёлыми могли быть дискуссии, скорее всего усиливающими разногласия в церковной среде.

Чуть более века прошло с момента Батыева нашествия и морального разложения населения Руси. По речам Василия позволительно судить, как вольно позволялось рассуждать на библейские темы, вынося на всеобщее обсуждение собственное их понимание. Впрочем, самородки с уникальным мыслительным процессом всегда появляются, освежая представления о былом. Редко к их взглядам относятся с пониманием, чаще осуждая. Чем-то Василий должен был выделяться, ежели имел расхождение в метафизическом пони-

мании природы основных понятий христианского представления о действительности, либо такое отличало в XIV веке многих, а может и не имелось тогда на Руси способных в науке богословия.

Можно допустить любые предположения, неизменно претендуя на верность в суждениях. Такому мнению способствует малое количество сохранившегося материала. Так судил и Василий Новгородский, родившийся и живший в условиях уничтоженного прошлого, невосполнимо утерянного и зияющего дырами. Оставалось положиться на мнение греческих патриархов, единственно возможных светочей религиозной мысли.

Думая наперёд, видишь, как на Руси, начиная с крещения, религия постоянно видоизменялась, едва ли не разительно отличаясь от всего прежде возможного. Это отчётливо видно, стоит, например, обособить каждый век, рассмотрев его отдельно. Изначально рабски покорное желание следовать по пути мучений Христа ради Божьей милости изменится на осознание необходимости пересмотреть традиционные представления, подвергнув их новому воздействию, согласно внутреннему ощущению правильности, чем будет спровоцирован ряд критических переломов, подведших само понимание религии на Руси в качестве данницы реформам Петра I с последующей стагнацией на протяжении XX века.

13.10.2017 (<http://trounin.ru/basilikalika>)

Александр Иличевский «Перс» (2009)

Иличевский подобен мачехе, заставившей Золушку отделять одну крупу от другой, поступив сходным образом с читателем, смешав воедино множество всего. Читатель, как и Золушка, справится с порученным ему заданием, и оставит внутри себя такой же неприятный осадок, поскольку не было существенной необходимости противиться тому, чего не миновать. Претензия к Иличевскому одна – неумение сокращать написанный материал, вследствие чего повествование загромождено лишними элементами.

Как прежде, Иличевский пишет так, как он в тот момент думает. Не идёт речи о том, чтобы выстроить текст в хронологическом порядке. Это противно представлениям Александра о художественной литературе. Необходимо сперва заинтересовать читателя, что и было сделано. Далее осталось отправиться за рублём в Москву, где главный герой будет рассказывать о присущей ему крутости, богатом опыте работника нефтяной промышленности и о детстве, проведённом в Баку. Не стоит думать, как это всё связано с самим Иличевским, возможно представлявшем именно себя на его месте.

Каждый найдёт свою прелесть в «Персе». Если читатель ценит историческую информацию – его вниманию представлен город Баку, связанный становлением с именами се-

мейств Нобелей и Ротшильдов. Любителей восточных мотивов заинтригует охотничий интерес арабских шейхов к охоте на птицу хубара. Считающие важным внимать историческому наследию писателей получат жизнеописание Велимира Хлебникова. Но ключевой сюжетной линией предлагается считать то и дело проявляющиеся на страницах произведения эпизоды детства главного героя, которые и следовало оставить, переместив остальное в какое-нибудь другое произведение.

Мысли мыслями, но ведь должно быть объяснение желанию Иличевского рассказывать, выдерживая определённый объём. Может издательством поставлено условие в обозначенный срок отдать на редактуру чётко обозначенное количество авторских листов? Тогда немудрено видеть желание писателя раскрывать перед читателем не столько сюжет, сколько энциклопедическую информацию. Действительно, почему бы не взять ряд узкоспециализированных книг, вольно изложив их содержание своими словами?

Такой подход оправдан, но способен внести непонимание, если видно, как, говоря о чём-то, автор подменяет действительное собственными представлениями. Допустим, футуризм для Иличевского связан с будто бы устремлением творцов в будущее, тогда как футуристы ничего подобного не имели в виду, желая лишь создавать новое, прежде невиданное. Тот же Велимир Хлебников, каким бы его не представлял себе Иличевский, сразу воспринимается не таким,

каким он подаётся в «Персе».

Читатель понимает: манера изложения Иличевского – поток сознания. Об этом уже было тут сказано, но другими словами. Поэтому не стоит удивляться, когда представления о Голландии трансформируются из детских фантазий в реальность, при задействовании воспоминаний о раскуриваемом в юном возрасте сене. После таких сюжетных пассивов читатель не удивляется, внимая размышлениям о подводные лодках и разработке методов по их обнаружению, а также думам вокруг ДНК и построении на её основе стихотворений.

Не станет странным потом осознавать, как некогда прочитанная книга полностью выветривается из памяти. Секрет художественной литературы всегда скрывался под нагромождением всего, дабы привлечь внимание к определённом сюжету. Говоря о чём-то, писатель должен заставлять читателя забыть о несущественном, ибо скажи он кратко о нужном, то и это будет вскоре замещено прочим нагромождением информации. Иличевский не стремился к определённости, поэтому не стоит после пытаться вспомнить о чём именно он писал. Тем более не стоит озадачиваться, почему именно о чём-то определённом он сообщал на страницах произведения.

Годы пройдут, представления о литературе могут измениться. Исследователи творчества писателей начала XXI века придумают термины и станут делить авторов на группы. Для Иличевского тоже найдут место – он не будет одинок.

14.10.2017 (<http://trounin.ru/ilichevsky09>)

Владимир Киселёв «За гранью возможного» (1985)

Партизанской деятельности Александра Рабцевича и Карла Линке посвящается, действовавших на территории Белоруссии, уничтожавших инфраструктуру и живую силу фашистского противника. Трудились они смело, диверсии проводили успешно и по окончании войны нашли дело по душе. Владимир Киселёв в художественной форме взялся рассказать о былом, на возвышенных тонах придав повествованию позитивный настрой. Со страхом в сердце, но с твёрдой верой в победу, действовали партизаны и тем принесли пользу для общего дела.

Читатель с самого начала удивляется, поскольку не сразу способен понять, как среди партизан мог оказаться немец Линке. Почему к нему все хорошо относились и никто не думал подозревать в нём врага? Киселёв внёс требуемую ясность, напомнив о Гражданской войне, где не русский шёл на русского, а рабочий и крестьянин на помещика и буржуя. Так и в случае с Линке, он – антифашист – стремится избавиться Германию от засилья фашистов.

Содержание книги Киселёва показывает важность деятельности партизан. Первой громкой внутренней операцией группы Рабцевича «Храбрецы» стала диверсия Крыловича, признаваемая одной из крупнейших. Прочие диверсии

не носили столь важного значения, однако и они затрудняли передвижение противника. Важнейшим свидетельством отчаянного шага стало обнаружение вещественных доказательств намерения фашисткой Германией применять на полях сражений химическое оружие. В раскрытии этого обстоятельства лучше прочих справились бойцы группы «Храбрецы».

Нельзя установить, насколько тяжело складывались жизненные условия партизан. Согласно приведённого текста особых бед они не знали. Противник лишь передвигался по территории, никак не проявляя себя для искоренения партизанской угрозы, изредка устраивая засады. Нехватка вооружения почти никак не отмечена. Партизаны не голодали, всегда чисто одевались и мылись в бане. Если они гибли, то по собственной глупости, не соизволив провести разведку.

Диверсия следует за диверсией. На страницах книги Киселёва немецкие поезда пускаются под откос в огромном количестве. В одну из ночей в ходе общей операции «Рельсовая война», в которой приняла участие и группа Рабцевича, было взорвано сорок две тысячи рельсов. Масштаб партизанской деятельности поражает воображение. При таком обилии событий необходимо говорить уже об открытой войне, отчего-то игнорируемой противником.

Находилось место для мирной жизни, сельскохозяйственной деятельности, шуткам, свадьбам и всему остальному, ка-

залось бы не должному происходить в столь напряжённый исторический момент. Киселёв легко отказался от представлений о героизме, как о проявлении отчаянности. Заложить мину считалось необходимым, но и подвиг снабженца ценился выше успешных диверсий, так как поддерживать в боях дух, такое же важное занятие, как ослабление противника.

Важную роль в успехе группы сыграл её командир. Рабцевич старался найти общий язык с подчинёнными ему людьми, устраняя проявление противоречий. Он убеждал в необходимости делать определённую работу, не позволяя горячим головам идти на неоправданный риск. Только зная ситуацию заранее, можно провести диверсию. Лишь сытый и готовый на свершение человек не оступится в последнее мгновение и дождётся необходимого момента.

Киселёв стремился показать способного на невозможное человека. Каждый добивался поставленных целей, осознавая сопутствующий риск. Как бы не сложились судьбы партизан после, во время войны они жили отличной от привычного им образа жизнью. Действовать приходилось в том числе и мирному населению, помогавшему партизанам в их деятельности, как продовольствием, так и находя в рядах противника сомневающихся, готовых отказаться от фашизма и влиться в отряды сопротивления.

Без лишней пропаганды, просто превознося подвиги людей, Владимир Киселёв и написал книгу «За гранью возможного».

14.10.2017 (<http://trounin.ru/kiselyov85>)

Александр Куприн «Штабс-капитан Рыбников» (1906)

Армия Российской Империи к войне с Японией поддавалась окончательному разложению. Если ранее Куприн мог хранить в воспоминаниях эпизоды сомнительной полезности о военной службе, то к 1906 году все благие представления у него выветрились. Учитывая, что Александр более не служил сам, но наблюдал за происходящим в стране, он мог сделать печальные выводы, видя расхлябанность солдат, сидящих по кабакам и публичным домам. И не просто о солдатах, а о дезертирах, покидавших расположение войск, возвращаясь домой или начиная прожигать и без того загубленную жизнь.

Свои представления Куприн выразил в виде произведения «Штабс-капитан Рыбников», главный герой которого исчез из армии после Цусимского сражения. Теперь он всем представляется в качестве раненного под Мукденом. Характера он вспыльчивого и не всегда придерживается единой модели поведения. Сперва показываемый нуждающимся в помощи солдатом, в течение времени преобразуется в агрессивного человека, продолжающего отличаться лабильностью психики.

Кем же был Рыбников? Куприн окутал его жизнь тайной. Можно даже считать, что в действительности он никогда

не служил, либо он является японским шпионом или на самом деле имеет чин штабс-капитана. Почему бы не считать Рыбникова аферистом, выставляющим себя за того, кем он не является? Такое предположение останется домыслом, поскольку Куприн не был однозначным в суждениях.

Своё значение оказывает подозрительность общества, пережившего излишне много потрясений, чтобы верить кому-то на слово. Особенно видя, как перед ним выступает человек, явно не относящийся к армейской среде. Излишне странным им казался Рыбников, не совсем настоящим. Поэтому и появилась у Куприна идея его ояпонить.

Желается думать, что именно из этого произведения берёт начало «Яма». Когда Рыбников появится в публичном доме, он станет вести беседы с работницей данного заведения. Девушка окажется в меру порядочной, хоть и без сожалений о доставшейся ей доле. Сообразно сложившейся судьбе она пребывает в публичном доме и занимается хотя бы таким ремеслом, позволяющим ей существовать. Сам Рыбников мало отличается от подобного же рода рассуждений, идя по пагубному пути, если не охарактеризовать его сильнее – поганому.

Оставим сомнения в стороне, пусть Рыбников будет настоящим штабс-капитаном, дезертировавшим из армии. Теперь ему ничего другого не осталось, как прожигать жизнь. Его падение должно было начаться задолго до военной службы, а может он и не падал – являясь таким по складу харак-

тера. Говоря точнее, он являлся продуктом общества, воспитанным сообразно времени и воплощавшем общее вырождение, грозившее России крахом.

Об этом легко судить, видя последствия царской политики. Куприн о том лишь мог предполагать, как то делали многие. Для такой оценки произведения «Штабс-капитан Рыбников» явно недостаточно. Слишком оно противоречиво по содержанию, не позволяя выразить твёрдых убеждений касательно происходящих в сюжете событий.

Куприн продолжал создавать наполненные угнетением произведения. Неоткуда было взяться светлым моментам в обозначившейся проблемами жизни. Не получалось оторваться от действительности, уходя в мечты и извлекая с помощью фантазии надежду на благополучие в будущем. Воображение порождало рыбниковых, как за год до того в «Поединке», так и год спустя в «Гамбринусе», где им отводилась второстепенная роль губителей человеческого счастья.

Вроде бы и не имелось рыбниковых, но они всё-таки находились постоянно. В тех же кабаках и публичных домах. Люди искали отдых от излишней суетливой повседневности, придумывая для того оправдания различной степени адекватности. Каждый скрывал истину, прикрываясь чужой личиной. Будучи некогда солдатом проигравшей войну страны, проще вызвать у соотечественников жалость, а вместе с ней и найти средства на продолжение существования.

15.10.2017 (<http://trounin.ru/kuprin06>)

Александр Куприн – Рассказы 1906

Пока Россия готовилась пожать неизбежное, люди начали устремляться мыслями в будущее. Иногда излишне далёкое. Например, Куприн обратил взор на ХХІХ век. Передовым государством будет признана Германия, способная осуществлять проекты на благо всего человечества, главным из которых, надо понимать, станет коммунизм, а за ним счастье каждого живущего на Земле. К тому времени иссякнут запасы угля, что повлияет на разработку новых технологий, позволяющих дать людям осознание величия ими достигнутого развития. Посему допускается поднять «Тост» за жизнь в прекрасное время и за память о бурных событиях веков прошлых, в которых хотелось бы безусловно пожить, так как теперь общество не испытывает глобальных потрясений, отчего от такого спокойствия стало скучно.

Человек стремится быть гуманным. Он постоянно себе желает счастья, а также согласен видеть остальных довольными жизнью. Но если он сам счастлив, а другой страдает, тогда ситуация иная – мучения нужно срочно прекратить. Допустим самый радикальный способ: убийство. Сейчас не о человеке речь, а о животном. Читатель согласится – гуманность должна торжествовать. Но если человеку стремятся сохранить жизнь, обрекая его на продолжение мучений, то больное животное предпочитают усыпить или иным

способом оборвать его жизнь. Безусловно, странный получается гуманизм. Куприн думал об этом, создавая рассказ «Убийца».

Главный герой повествования, он же рассказчик, увидел раненую кошку и твёрдо уверился сжалиться над животным, его убив. Не имея в таком деле опыта, он станет причинять кошке ещё больше мучений, не обращая внимания на возражения, что зверь рану зализет и на том страдания закончатся. Читатель заранее знает, кошка будет сопротивляться. Она, в отличие от человека, не предаётся отчаянию и стремится жить до последнего. Человек этого не может уразуметь.

Жизнь сложна для понимания. И люди думают, будто их мнение имеет определяющее значение. Получается разброс мнений, приводящих к фатальным последствиям. В конце концов оказывается, мирный настрой одних становится причиной их гибели из-за мировоззрения других. Человек и сам порой решает наложить на себя руки, чем, опять же, вызывает нарекания в свой адрес. Приходится согласиться, человек – страннейшее из существ, мыслящее всегда во вред себе же.

Продолжая об этом думать, Куприн написал рассказ «Река жизни». Отчаянный шулер когда-нибудь придёт к мысли о необходимости прекратить обманывать людей, устав вводить в заблуждение ему доверяющих. Хорошо, если просто прекратит, не задумав облегчить душевные страдания само-

убийством. Как не думай о былом, излишне соотноситься с окружающим не следует. Зачем накручивать мысли и заявлять миру о присутщем тебе эгоизме, тогда как допустимо совершать истинной важности дела, никому не навязывая мнения.

Человеческая мнительность всегда доводит до беды. Ежели смеются за спиной, значит – ты являешься объектом шуток. Если кто плюнул сзади, скорее всего как раз тебе на спину. Так думает большинство людей: никак этого не исправить. Иногда случается и так, что смеются именно над тобой и плюют тоже в тебя. Как тогда быть, если ты отчасти этого заслуживаешь, но всё-таки не достоин возводимой хулы? Куприн представил подобную историю, показав «Обиду» воров на очернение их деятельности в прессе. Занимательная версия возможного дальнейшего развития смотрится странно. Впрочем, всему должно быть место, дабы природа не терпела пустоты.

Однако, совершая преступления, надо ожидать возмущение общества. А вместе с этим и всего остального, в том числе и незаслуженной напраслины. Подумав об этом, Куприн решил дать надежду на прощение одному преступнику в рассказе «Демир-Кая», позволив ему жить безбедно с условием угождать всякому путнику, идущему мимо. Имея такое определение для прощения, бывший преступник начнёт проявлять излишнее стремление быть угодным, вплоть до унижения. Парадоксальность ситуации в том, что отказы-

вающиеся от доброго к ним отношения пробуждали в нём давно утихшую ярость. Оказалось, умиротворение убийцы достигается за счёт убийства человека, собирающегося совершить подобное же действие.

Заметно, как 1906 год влиял на творчество Куприна, Александр не уставал говорить о страданиях нынешнего дня, опираясь на ожидание счастливого будущего. Мысль о разности человеческих представлений о должном быть не оставляла его. Показать это он смог в рассказе «Искусство». Немного иначе дал представление о «Счастье», поведав сказку о красавице и сосуде с ядом. Написал «Легенду». И успокоил мысли за счёт очерка «На глухарей».

Завершился год пересказом истории «Как я был актёром». Зачем это понадобилось Куприну? Может быть для того, чтобы после вдохновить на «Театральный роман» Михаила Булгакова.

15.10.2017 (<http://trounin.ru/kuprin1906>)

Александр Куприн – Рассказы 1907

С 1907 годом наступает отдохновение. Общество продолжает бурлить, но с меньшей интенсивностью. Необходимо понять, что всё-таки случилось за прошедшие три года. Куприн написал «Гамбринус» – историю еврея-музыканта, ставшего заложником ситуации, которая его никак не должна была касаться. В том то и боль, что вне зависимости от желания жить вне общественных перемен, продолжаешь находиться с ними в тесной связи, а значит и принимаешь удар на себя, когда для того приходит пора.

Почему бы не поговорить о вечном? Разве действительность не «Бред»? Если перед обществом объявится человек, утверждающий о постоянно сопровождающих его жизнь страданиях, то ему сразу поверят. Если этот человек скажет, будто живёт с библейских времён, являясь если не Каином, то вечным жидом, поверит ли кто его дальнейшему рассказу? Пока он будет говорить о недавних событиях – всё будет сходиться. Чем глубже станет погружаться в историю, тем сильнее пробудит недоверие. Задумываясь о таком, понимаешь, человек остаётся прежним. Безусловно, сие допустимо назвать бредом. А если всё-таки задуматься?

Оставим вечное, как оставил его Куприн. Лучше подумать о счастье. Хотя бы о счастье для детей. Ведь дети, какими бы они не являлись, тоже могут предаваться хандре,

зачахнув. О них, в отличие от взрослых, есть кому проявить заботу, удовлетворив присущие им желания. И хорошо, если ребёнок желает чего-то, порою не имея желаний вообще, как в рассказе «Слон». Неожиданно он захочет общаться с животным из зоопарка, тогда придётся отцу проявить фантазию, дабы доставить крупногабаритного зверя на второй этаж.

Сказка: скажет читатель. Уступки возможны, сделай всё для их достижения. Слон всегда может появиться, где его не ждут. Не имеет значения какими последствиями это обернётся. Ребёнок окажется счастлив, перестанет хандрить и поправится. Но люди вокруг него уже сошли с ума от искажённой картины мировосприятия. Они погружаются в мысли о невозможном, представляя, якобы слон податлив и совершает требуемые от него действия. Ребёнок в самом деле выздоровел, только как быть теперь со слоном?

Не стоит искать того, чего нет: скажет читатель. К сказке нужно относиться соответственно её содержания. Следуя такой логике и жизнь человека должна уподобиться сказке, поскольку он всё для этого делает. Почему же существование людей в прежней мере более подобно аду? Куприн писал «Сказочки», призывая мыслить шире, не ограничиваясь узкими рамками даваемых понятиям определений.

Лучше не скармливать мясо собаке, заранее обвязав его, чтобы вынимать кусок обратно, стоило зверю проглотить наживку. Животное будет терпеть, после накинута-

шись на обидчика. Уже не слон, стесняющий присутствием, но и не позволяющее жестокого к себе отношения создание. Собака откусит руку, коли лишать её еды. В том числе покусает и слона, что уж говорить о ребёнке. Воистину, Куприн заглядывал далеко вперёд, предлагая под видом сказок сюжеты-аллегии.

Отвлекаясь, то думами о будущем, то сказками, Александр подумал о «Механическом правосудии». Он как бы опережал настоящее, находя упоение от событий прошлого. Гуманность владела его мыслями, насколько бы кроваво не оканчивались рассказываемые им произведения. У французов во времена Великой революции появилась гильотина, облегчив человеку исполнение назначенных преступникам наказаний, у русских появится не столь радикальный инструмент – всего лишь механическое устройство для порки. Любой механизм даёт сбой, порою становясь наказанием для изобретателя. Поэтому предлагается быть осторожным не только в деле, но и на словах.

Какой писатель промолчит, имея возможность сказать? Куприн взял передышку, избавившись от мыслей о социальных проблемах. Он обратился к литературе. Разве не приятно, когда прежде жившие «Исполины» становятся игрушкой в руках следующих поколений? С ними допустимо делать любое желаемое действие, трактовать их произведения на собственное усмотрение и обвинять в несоответствии сложившихся после их смерти обстоятельств. Легко мож-

но опираться на созданные ими сюжеты, переписывая и выставляя за свои, не забывая отдать должное уважение в виде благодарности. Так, например, создавая жизнеописание коня «Изумруда», Куприн честно указал на «Холстомера» Льва Толстого.

Последним произведением в 1907 году стал рассказ «Мелюзга». Пожалуй, сейчас лучший момент выразить мнение о растянутости мелкой формы Куприна. Александру хорошо удавались короткие рассказы и повести, но всё прочее, что превышало размером рассказ и не могло считаться повестью, получалось крайне невыразительным. Вот и «Мелюзга», вроде бы о селе, медицине и недоверии к ней местного населения. Всегда проще обратиться к умеющему заговаривать болезни, он и заболевшего заодно заговорит. Так и Куприн заговорил читателя, не сказав толком ничего конкретного.

15.10.2017 (<http://trounin.ru/kuprin07>)

Александр Куприн – Рассказы 1908—09

Подходя к идее продажности человеческой души, Куприн вознёс влечение до высших пределов в «Суламифи», сбросив на дно в «Яме». Некогда за любовь развязывали войны, теперь цена любви устанавливается в лучшем случае в одну копейку, ибо не стоит это чувство того, за что раньше стремились его приобрести. Задав настроение в «Штабс-капитане Рыбникове», Александр постепенно раскрывал для себя новое миропонимание. Кто с ним не соглашался, тот не привык смотреть на окружающий мир открытыми глазами, либо не хотел видеть отражение действительности на страницах художественных произведений.

«Суламифь» является исключением в череде произведений Куприна про упадок нравов. С 1908 года последовал ряд разоблачающих любовь произведений. Первым из которых стал рассказ «Морская болезнь», повествующий о даме, изнасилованной пьяным моряком во время плавания. Оправдывало даму плохое самочувствие и бессилие, сопровождающее её в путешествиях по воде. Александра интересовало другое – как подобное происшествие оценит её муж? Так в «Морской болезни» появляется набор мыслей опороченной женщины, желающей смягчить ситуацию, дабы не оказаться брошенной. Она не вступала в интимную близость

добровольно, однако это будет иметь малое значение. Перед читателем ставится необходимость решить – насколько оправданы мысли женщины, считавшей обязательным смирение мужа.

Куприн опорочил любовь, не позволив героине рассказа сознаться мужу в произошедшем. Опять же, читатель начинает привыкать к манере Александра строить повествование на недоговорённостях. Ведь вполне может оказаться, что женщина придумала историю, желая таким образом получить требуемый ей разрыв отношений с мужем. Дама заранее знала, как критически к описываемому ею предположению её изнасилования он отнесётся. Она вела беседу в нужном ключе и добилась требуемого. Стоит предположить, будто вместо изнасилования произошла добровольная измена. Придти к окончательному мнению не получится, Куприн оставил описанную ситуацию без итоговых пояснений.

В том же году Александр совершил путешествие в Финляндию. Его интересовали нравы финнов, особенно их отношение к публичным домам. Оказалось, проституции в стране почти нет. В банях обязанности банщика могли выполнять женщины. Внешность финок не сказать, чтобы понравилась Куприну, но она была не хуже красоты русских. Если какие мысли появились у Александра, их реализацию он отложил до следующих лет. Очерк «Немножко Финляндии» – скорее занимательная информация, нежели повод к размышлению. Впрочем, Куприн подмечал как раз то, что его удив-

ляло и более прочего беспокоило, иначе к чему такое пристальное внимание именно к роли женщины в финском обществе?

На прочую беллетристику Александр не распалял внимание. Он написал незначительное количество рассказов: «Ученик» (про старого шулера, сокрушающегося над переменами, погубившими романтизм его профессии), «Мой паспорт» (про ощущения владения оным, словно такого ранее у Куприна не было), «Свадьба» (новые воспоминания об армейском прошлом). В «Последнем слове» Александр подвёл итог желаниям убийцы, сожалевшего лишь о том, что сын им убитого скорее всего вырастет и станет похож на отца.

1909 год был ещё более скудным на творчество: очерк «В Крыму» и философский разговор от лица пса в рассказе «О пуделе». Остаётся выделить поучительную историю «Лавры».

Как известно, победителей награждают лавровым венком. Но что есть составляющий его лавр? За ним плохо ухаживают, его грубо срывают, с торжественностью вручают, а после берегут, льют на него слёзы об ушедшей славе, забывают, заставляют пылиться и в конце концов выливают вместе с помоями, предварительно отварив для ароматности бульона. Бесценный предмет в итоге окажется оценённым в одну копейку.

В России того времени всё обесценивалось: от любви

до признания в обществе.

16.10.2017 (<http://trounin.ru/kuprin1908>)

Александр Куприн

«Листригоны» (1907—11)

Восемь рассказов Куприн посвятил Крыму: Господня рыба, Тишина, Макрель (или Балаклава), Воровство, Белуга (или Листригоны), Бора, Водолазы и Бешеное вино. Проводить разграничение между ними не будем, рассмотрим в качестве единого произведения, пропитанного воспоминаниями о морских традициях, связанных с Балаклавой рыбаков.

Для начала давайте проникнемся духом тех мест. Послушаем природу. Что слышно? Ничего! Стоит звенящая тишина. Такой нигде более не найти. Плеск воды? Шум прибора? Нет! Поглощающая всё до звона в ушах тишина. Слышно только бегущую по сосудам кровь. От таких ощущений можно представить подплывающего к берегу Одиссея и выступающих против него великанов Листригонов. Обычный человек желает обрести покой и умиротворение, но созерцает битву, пульсирующую у него в голове. Видение исчезает и в руках оказывается Господня рыба.

Существует легенда о рыбе, всегда умирающей, будучи выловленной. Один раз она ожила, уже изжаренная. Оживил её Иисус Хритос. С той поры имя ей – Господня рыба. Поскольку она умирает – сохранить её вне моря нельзя. Может такую рыбу можно засушить и оставить на память? Видимо, она исчезает, не оставляя следов. Такова легенда рыбаков

из Балаклавы.

Кто они – эти рыбаки? Это греки. Тяжек ли их труд и достойно ли он оценивается? С утра труд рыбака бесценен, к вечеру он не стоит и одной копейки. Почему так? О том Куприн размышляет не так давно, начав незадолго до знакомства с жителями Крыма. Покуда Солнце будет озарять небосвод, до той поры золото не утратит силу, но с приходом на небо Луны всякий металл обесценится, как и рыба, как и любое прочее человеческое чувство, если оно не является отражением дружеского отношения людей друг к другу.

Драгоценный улов выбрасывается за борт, чтобы быть собранным потом. Когда лучше? Разумеется утром. Но всегда ли ловится рыба? Существуют для того специально отведённые дни, разрешающие ловлю с помощью больших сетей. Три дня в год праздник жизни должен постучаться в дом семьи каждого рыбака, в остальное время отказывая в том заслуживающим быть всегда радостными. Подобную строгость рыбаки обходят с помощью браконьерства. По всей Земле они так поступают, и будут поступать, пока существует рыба, и пока есть возможность ходить по воде.

Не стоит загадывать заранее. Рыбаки не думают об ожидающем их улове. Есть у них такая примета. А кто поступает наоборот, размышляя и предваряя промысел думами, того тоже ожидает удачный выход в море, как к тому не относись другие рыбаки. Норд-ост ли, либо нечто иное... Какие могут быть преграды, когда полагается всегда рассчитывать на уда-

чу, иначе зачем вообще выходить на ловлю?

Снова тишина. Одиссей покинул сии места, ежели когда-нибудь к ним приплывал. Ушли и Листригоны, ежели смели тут некогда жить. Их сменили Листригоны нынешние – борцы со стихией и постоянные обитатели в пределах между уходящей до горизонта поверхностью моря и берегом, куда редко приходится сходить, дабы встретиться взглядом с семьёй и отдохнуть, готовясь встретить рассвет в раскачивающейся на волнах рыбацкой лодке.

Когда наступит время забыть обо всём, нужно обо всём забыть. Как? Уподобиться Листригонам! Всякий человек является великаном, коли посмеет мыслить о себе более того, чего он может достичь в действительности. Не на берегу, но на море такое становится возможным. Уже нет земли под ногами, и нет опоры, и нет защиты, а есть угроза, и это пьянит, и уже поэтому хочется жить ещё сильнее.

16.10.2017 (<http://trounin.ru/kuprin11>)

Александр Куприн – Рассказы 1910—11

«Яме» дан ход, получены отрицательные отклики. Куприн испытывает давление масс, резко его осуждавших за откровенность. Настроение Александра должно было упасть, а творческая активность снижена. Поэтому «Яма» отправилась в долгий ящик, уступив место прочим размышлениям. Почему бы не отвлечь внимание читателя жизнеописанием подобия Щелкунчика в рассказе «Бедный принц»? Но как же низко предаваться подобным сказаниям, осознавая необходимость говорить правду о жизни, излишне не поддаваясь фантазиям и не скрывать действительно происходящее.

Неужели всё так плохо обстоит с публичными домами в России? Да и проституток почему нельзя считать за людей? Чем они хуже? Понятно, делаемая ими работа – специфический труд, обязанный вызывать нареkanie. Однако, если они не падшие создания, тогда разве допустимо относиться к ним категорично? Необязательно им постоянно находиться в публичных домах, позволительно снимать комнату в доме, как то предложил понять читателю Куприн в рассказе «По-семейному». Никакого отторжения, все обитатели спокойны и довольны происходящим. Соседствующая с ними проститутка не вызывает нареканий. Чем не повод после такого сюжета продолжить работу над «Ямой»?

А вот рассказ «Леночка». Старый человек путешествует, он встречает равную ему по годам женщину, почти узнавая её. Кто она? Нельзя того установить, но они точно были раньше знакомы. Куприн к тому и склонял читателя, чтобы он понял, как быстро проходит жизнь, наполняя сознание множеством моментов, не позволяя забыть самые волнительные из них. Нет, встреченная человеком женщина не придерживалась лёгкого поведения, но была молода и оказывалась не прочь совершать безумства, в том числе и любовные. Жизнь не щадит молодых, заставляя принимать не те решения, которые на самом деле необходимы. Как удивительно, спустя годы, находить приятное в беседе с тем, кого прежде ненавидел или просто не переносил на дух.

Людам присуще двоемыслие, если смотреть на представления о происходящем вчера и сегодня. Когда-то иное, ныне воспринимается иначе, так было и будет. Человеку не дано справиться со свойственной ему изменчивостью. Взрослея, каждый начинает под другим углом воспринимать прежнее. Допустим, «Попрыгунья стрекоза» из басни Крылова первоначально не вызывает того набора дум, обязанных появиться после. Сперва концентрация внимания касается происходящего, тогда как позже человеку не хватает рамок произведения, и он начинает искать, относительно чего это можно применить в обыденности.

Мысли Куприна на счёт басни оказываются уникальными. Александр осознал это, когда увидел уровень восприятия

текста людьми. Оказывается, в России существует два слоя людей: один – необразованный и беззаботный, второй – его противоположность. Получается, первый смеётся над басней, принимая её за шутку, а другой – размышляет над ситуацией, почему он понимает суть происходящего вокруг стрекозы, тогда как лишённый образования на то не способен. Конечно, предполагать такое возможно, как и развивать подобное соображение дальше, только не притянута ли будет за уши?

Ещё два рассказа написаны в 1910 году: «Искушение» и «В клетке зверя». Об удавах предлагается не говорить.

1911 год это: «Гранатовый браслет», «Королевский парк», «Телеграфист», «Белая акация» и «Начальница тяги». Как уже известно, «Гранатовый браслет» – вариация Куприна об одной произошедшей в действительности истории. Что тогда представляют остальные произведения сего года?

Тут две фантазии: «Королевский парк» и «Телеграфист». Куприн периодически писал фантастические произведения, никак не находя сюжета для раскрытия его в большей форме, как то случится в следующем году с «Жидким солнцем». Пока Александр размышляет о XXVI веке, когда все расы сольются в одну, а также о более близком времени, понимая, как стремительно прогрессируют знания человека. Куприн предсказал возможность общения за пятьсот тысяч километров, видя собеседника перед собой. Действительно, так обязательно произойдёт.

Кажется, за подобными размышлениями Александр забыл описывать сущность человека, стремящегося быть неуживчивым. И вот он написал «Белую акацию», желая тем устранить всё ему мешающее, завуалировав это цветением растения, которое всем нравится, но сводит главного героя повествования с ума. Лучше извести и не испытывать широкого спектра чувств, нежели терпеть влечение, так плохо сказывающееся на самочувствии.

Осталось упомянуть о двух в меру добрых рассказах: «Наташка» и «Начальница тяги». Куприн умеет заурядный сюжет представить в виде уютной истории, какими бы последствиями она не заканчивалась для действующих лиц. Их могли пригласить на разговение, мило улыбаясь, а могли выставить из купе, невзирая на заранее купленный билет. Нужно внимательнее относиться к людям, какими бы они не являлись в действительности. Ежели предлагается составить приятную компанию, то нельзя отказываться, а если открыто хамят – значит тому человеку есть чего опасаться.

Совсем скоро хамящих станет излишне много, посему не нужно торопить события.

16.10.2017 (<http://trounin.ru/kuprin1910>)

Сайт – 31 месяц

Задумался о создании архива. Почему бы и нет. Только проблема есть ощутимая. Чтобы перелопатить всё, просто перечитав имеющееся на сайте один раз, это займёт никак не меньше 65—100 часов, поскольку текста там аккурат более сотни авторских листов соответственно. Умом такого массива информации не понять, но что имеется, от того теперь не откажешься. Для того и должен быть создан архив, дабы не кануло всё мною сделанное в Лету.

Как я себе это представляю? Думаю оформить ровно тем же образом, каким я выпустил анализ и критику творчества Джека Лондона. Сей базис будет распространяться бесплатно. Кому понравится – пусть берёт. Я сам буду на его основе создавать другие отдельные монографии, выбирая материал по теме.

Разумеется, не одним архивом, дабы у читателей ум за разум не зашёл. И не сугубо переложив сайт на новый лад. Будут задействованы мои творческие изыскания, в том числе и сторонняя информация, вроде заметок о стэндалоне. Вопрос в другом – как глубоко копать?

Разрывать юные увлечения форумными ролевыми играми мне не очень хочется, как и написание сомнительной важности отчёты об онлайн-стратегиях и футбольных симуляторах. А вот побродить по заброшенным дневникам я бы

не отказался... жежешный-то дневник пробовал перечитывать, так такое умиление накатило. Зато понял, насколько я не изменился, каким был в 2008 году, таким и остался.

Сейчас меня могут спросить – кому сие надо вообще, учитывая отсутствие интереса к моим литературным изысканиям... Интересно пока мне одному, и этого вполне достаточно.

18.10.2017 (<https://trounin.livejournal.com/318710.html>)

Александр Куприн

«Жидкое солнце» (1912)

Желание изобретать обязано столкнуться с фактической стороной необходимости найти применение. А как быть, если найденный способ преобразования солнечных лучей в энергию будет использован капиталистами для личного обогащения? Ничего не поменяется в мире, лучше люди жить не станут, если наоборот их условия существования не ухудшатся. Поэтому учёный, осознав это, становится перед необходимостью уничтожать наработки, либо придумать некое обстоятельство, позволяющее сделать доброе дело, минуя жадных до прибыли владельцев крупного капитала.

Борьба пролетариата за место под солнцем в одной отдельно взятой стране в начале XX века входила в стадию скорого завершения. Но мало кто верил, что пролетариат станет ею руководить, скорее добившись лучшего для себя положения. Капиталисты должны были остаться и распоряжаться своими состояниями. В такой среде возможно всё то, о чём Куприн рассказал в фантастической повести «Жидкое солнце».

Кажется, Александр не понимал, к чему ведёт повествование. Читателю представляется таинственная ситуация, в которой должен принять участие главный герой. Чем он будет заниматься – неизвестно. Требовались здоровые и силь-

ные люди, способные делать грамотные умозаключения, чему представленный Куприным герой как раз соответствовал.

Неудивителен пример человека, должного иметь работу и оную не имеющего. Ещё Эмиль Золя описал ситуацию, представив безработицу подобием коварного создания, заставляющего предприятия закрываться, а людей умирать от голода, тогда как все соглашались работать, невзирая на любые предлагаемые условия труда. Поэтому, в такой ситуации, не имеют значения обстоятельства, лишь бы появилась возможность добыть кусок хлеба.

Куприн так прямо об этом не говорит. Его герой полон сил, имеет планы на будущее и способен перевернуть Землю, дай ему точку опоры. Он мог отказаться, но не стал, так как был заинтригован ожидающим осуществления проектом.

Извлекать энергию из солнца, а говоря точнее – газ, вполне выглядит реалистично. Имело бы это значение, тогда как перед читателем раскрывается иная причина переживания гениальных людей, остро воспринимающих осознание тщетности труда. Не так важно, кто воспользуется изобретением, но Куприн не допускает подобного рассуждения. Идея должна стать доступной каждому, а если такое не случится, то не жаль погибнуть за сворачивание исследовательской программы.

Двигаясь на ощупь, Александр обозначил проблематику произведения, не проработав её до конца. Требовалось подумать, к чему приведут размышления учёного, поздно осо-

знавшего грозящую миру катастрофу. Куприн излишне буквально понял упадническое настроение созданного им персонажа, наделив его деструктивным мышлением. Остаётся непонятным, зачем думать о благе, его осуществляя и допуская непоправимую погрешность, сводящую дело жизни на нет.

А что же главный герой? Отнюдь, не он является учёным. Он – сторонний наблюдатель проекта, должный помочь в осуществлении задуманного. И по роковому стечению обстоятельств единственный свидетель гениальной разработки. Впитывая информацию, главный герой принял неизбежный удар, чтобы рассказать данную историю другим.

Стоит заметить, происходящее на страницах к России отношения не имело. Всё было задумано на Западе, там же реализовано. Не будем судить, с чем это связано. Куприн посчитал нужным описать волнительный эпизод вне пределов родной страны. Пусть в Европе извергаются вулканы и поднимаются волны, как то в действительности и происходило, но не буквально. Проект окажется провальным, чего часто придерживались в сюжетах ранние российские фантасты, возвышавшие человека, дабы обречь на страдания из-за прищущей совести ему или его окружению.

Альтруизма недостаточно для счастья человечества, ибо само человечество ещё не было готово принимать собственное счастье из чужих рук.

18.10.2017 (<http://trounin.ru/kuprin12>)

Александр Куприн – Рассказы 1912—14

Для Куприна 1912 год это «Путешественники» и «Травка». Все силы ушли на что-то другое, возможно на «Жидкое солнце», изданное в начале 1913 года, или на очерки о посещении Франции. Описание природы соседствовало с буйством человеческой фантазии. И вот последовал рассказ «Чёрная молния», как переплетение размышлений о настоящем и об ожидающем человека будущем. Название Куприн позаимствовал у Максима Горького из «Песни о буре-вестнике», где птица была чёрной молнии подобна.

Находясь на природе, каких только дум не придёт в голову. Например, о необходимости сохранения лесов, о пользе деревьев, о густоте посадок, дабы враг заблудился. Да о том следует ли говорить, когда лес рубится в промышленных масштабах и вывозится за границу? Если не про лес говорить, тогда про писателей. Конечно, писатели-современники каждым поколением принимаются за вырожденцев. Обоснование? Для Куприна оно показательно тем, что за перо всё чаще берутся разночинцы, не сохраняющие в литературе должных быть ей свойственных благородных черт. Странный упрёк со стороны Александра, тогда как он сам готовился дописать «Яму».

Неосторожные чаще других тонут в болоте, сами осозна-

вая, насколько шаткое их положение. Для этого не требуется разбираться, существует ли чёрная молния в действительности. Хоть о «Медведях» пиши, хоть про смерть Льва Толстого вспоминай. Всё равно человек живёт так, чтобы никто ему не смог помочь. Увязнув по шею, зачем кричать о помощи?

Другим произведением 1913 года стал рассказ «Анафема». Куприн не просто гнал главного героя повествования в болото, он старался извлечь ясность. Коли священник, любящий читать и уважающий писательскую братию, так отчетливо должен кого-то выделять, ежели все хороши? Водки выпить для звучности голоса и пропеть за здоровье, либо за упокой. Прочитал он на ночь книгу Толстого и дюже полюбился ему автор. Да к утру весть – умер Толстой. Что делать священнику? Объявить бунт и воздать умершему, как достойному человеку, или поддержать позицию церкви, выступив с осуждением? Тяжёлый выбор требовал срочного решения. Зачем идти против устоявшейся системы, когда лучше придерживаться её, обеспечивая тем покой? Не бывать такому – всякий должен иметь право на личное мнение.

Непростой год вышел для Александра. Своим творчеством он стремился задеть чувства читателя, вызвав его на диалог. Напомнив о ситуации с Толстым, Куприн пошёл дальше, написав переполненный аллегорическим содержанием рассказ «Слоновья прогулка». Общество оказалось представленным в истинном свете, излишне надуманно относящимся к действительности. Для него, что слон, что кры-

са: всё едино. Ежели человек пожелает видеть для себя опасность, он её увидит везде, и будет действовать так, дабы её устранить. Пусть слон всего лишь пытался показать, что ему неудобно находиться в одной клетке с кроликами или ему неприятно сидеть на цепи. Всё будет принято за агрессию, стоит кому-то заявить об ином мнении.

Почему наглядное в одном, не замечается в другом? Куприн показал глупость общих установок, противных проявлению индивидуальных устремлений. Нежелание слышать отличное от своего мнения сводит мирную жизнь к росту противоречий. Доказать правоту такого суждения осталось ещё одним рассказом, названным «Светлый конец».

Человек, живя на своё усмотрение, перед смертью пытается найти виноватого, из-за кого ему предстоит испустить дух. А кого винить, как не врачей? Герой рассказа не чурался дуэлей и вот оказался серьёзно ранен. Конец его близко, но он желает продолжать жить. Дарованные ему часы жизни он не готов принять, желая никак не меньше остатка отпущенного ему до дуэли здоровьем срока. Будучи обречённым, человек всё равно не смирился с действительностью, он продолжал искать новых врагов, находя их в лице медицинского персонала. Что ему ещё оставалось? Как всегда – плюнуть на всех.

С января по апрель 1914 года Куприн написал пять рассказов: «Капитан», «Винная бочка», «В медвежьем углу», «Святая ложь» и «Брикки». Начав с бунта русских моряков

на иностранном судне, Александр закончил повествованием о собаке весёлого нрава, что на всех кидалась. Памятуя о следом начавшейся Первой Мировой войне и вступлении в неё России, после объявления ей войны Германией в августе, с особым взглядом смотришь на содержание написанных в преддверии этого произведений.

Открытое море, штиль, голод, ожидание худшего: всё провоцирует людей на отчаянные меры. Все понимают, что нужно держаться, не будет толку от бунта. Но кто убережёт людей от восстания, когда им ничего другого не остаётся, кроме именно такой последней надежды на благополучный исход? Вроде бы не весёлая собака Брикки, но лучше ситуация не станет. Наглость возобладает. Да вот кругом море, светлая голова на плечах капитана, помочь сможет самообладание. Кто смирит буйный нрав, тот и сумеет выжить.

К концу года Куприн сумел написать ещё один рассказ «Сны». Александр размышлял о полётах, как о них мечтал человек с древнейших времён, хотя за десять месяцев до того повествовал о бочке, в которую пытаются пролезть пьяные туристы, безнадёжно в ней застревая. Действительно, стремясь иметь крылья, чтобы воспарить, человек зажат, поскольку не умеет распределить планомерное движение к намеченной цели. Поэтому ему не удаётся взлететь, ибо втыкаться требовалось в небо, а не утыкаться носом в сторону земли.

18.10.2017 (<http://trounin.ru/kuprin14>)

Александр Сумароков

«Мстислав» (1774)

Вражда меж братьев на Руси, как скучен сей сюжет, да не отходят от него сказители-поэты разных лет. Но первый случай родственной вражды, важнее всей после бывшей суеты. Не стало властелина сей земли: Владимир умер, остались сыновья одни. Кому из них доставшимся наследством в полной мере овладеть? Тому поныне нет секрета, то и сейчас возможно лицедреть. Сумароков на свой лад ту историю рассказал, без новых черт, словно новизны он и не искал.

Правителям урок, как надо править государством. Не нужно быть жестоким, не обладать коварством. Так мнится подданным, хотелось видеть это. О том так много песен было спето. Справедливый царь, ведь радость принесёт. Хотелось бы, но кто его поймёт? Слетит глава, умрёт правитель, не ведая, кто отравитель. Посему, не то волнует Сумарокова на этот раз, важнее показать, как слабый мыслью может процветать.

Когда война, быть крепок должен дом. Нужно знать, что не будешь предан и смещён. Пока великие мужи ревнуют обоюдно к власти, народ возропщет, ощутив свободу в сласти. А если не народ, то хватит и бояр, источника извечных свар. Пусть повелитель уходит врага бить, тем проще будет его обессилевшего после сменить. Во главе встанут нужные

люди, найдя слабинку, как сразу ясно – дивчину одну.

Согласно трагедии, князь Мстислав в любви несчастен. Он любит, а она делает вид, что он над ней не властен. И взять бы князю силой, но не тот автор сочинял сюжет, достаточно девушке сказать лишь слово «Нет». Он упадёт к её ногам, кляня судьбу, ропща на брата, в которого любовь его влюбилась когда-то. Что за история такая, как можно об одном писать? Годы минули, не нам за то Сумарокова ныне укорять.

Мстислав обязан снисходительным быть, иного не достоин в трагедии он ощутить. Он будет сильным, покорит всё доступное вокруг, обретёт почёт, рабов и на удовлетворение страсти подруг. Не таков правитель, нужно иное ему, в том горе его: любить и быть одному. Он брата пленит, и будет нам ним властелин, и выбор его о судьбе брата не будет простым. Бери, что угодно, радуйся бытию, воплощай угодную тебе мечту. Казни брата, дабы не мешал, и бери девицу, её властелином ты стал. Какой только урок потомкам преподаст он тем, коли не ставилось перед ним таких проблем?

Счастлив должен быть не ты, и не твои мечты тебе воплощать, счастливыми ты должен делать других, разве ты не мог этого ранее знать? Такой властелин требуется стране, но он для страны подобен мечте. Когда над Россией вставал повелитель, о благе народа прежде думавший, как ласково любящий дитя родитель? Не ремнём наказывая, вину напрасно воздвигая, за вынужденный проступок других прежде них

себя истязая? А если кто против блага бы выступал, тех ремнём он бы страшно карал. Был такой однажды, если был, Сумароков его в лице Мстислава сотворил.

Мудрый сюжет, приторно сладкий пускай. Главное, такое возможно: это, читатель, ты знай! Не ищи другого в трагедии Сумарокова и не задавайся вопросами иными, понять требуется темы, должны быть основными. Не любовь интересовать должна, а отношение князя к другим, как сильный правитель снисходил к просьбам самым простым. Человек перед обществом, вот загадка на века, почему ей не быть решённой никогда? Справедливый правитель – подобен мечте. Будем надеяться, такой достанется мне и тебе.

19.10.2017 (<http://trounin.ru/sumarokov74>)

Сказание о Вавилоне

(конец XIV века)

Одно из древнейших государств Запада – Вавилон – ушло в небытие, оставив наследником традиций других, по цепочке нисходящих к Византии и далее на Русь. Что могло понадобиться в тех землях после? Царь Левкий, нареченный в крещении Василием, также прозываемый Улевуем, послал к одру Навуходносора грека, обежанина и русина, дабы те испросили знамение у святых отроков Анании, Азарии и Мисаила.

«Сказание о Вавилоне» обязано было вызывать трепет у ему внимающему. Трое отроков отправились в заброшенное место, идут с риском для жизни по опасной земле и попадают в неприятности, грозящие им гибелью. Трагедия развивается постепенно, согласно ещё не сложившейся в литературе традиции погружать читателя в состояние панического ужаса, доводя до иступления на последних страницах. Если человек не привык к мистическим сюжетам, на свой лад сложенная на Руси история обязана оказать огромное впечатление.

Пробираясь через заросли, пугаясь диких животных и неисчислимого количества гадов, герои повествования обнаруживают надписи на их родных языках, которые население Вавилона знать не могло. Далее они продвигаются по те-

ду окаменевшего змия и предстают перед гробами святых, откуда до них доносятся голоса. После, найдя драгоценности и разграбив царскую усыпальницу, отроки спешно покидают Вавилон, но находят гибель от разбуженного их поспешностью змия. Раздавшийся свист убил отроков наповал, возвестив об опасности двигавшего им навстречу царя Левкия. И восстали тогда Анания, Азария и Мисаил, явившись пред очи его. Знамение было получено.

Исследователями предлагается считать «Сказание о Вавилоне» желанием Византии, а следом и Руси, претендовать на особое положение, обозначив связь с древним государством. Данный статус не даёт ничего, кроме внутреннего чувства самоутверждения. Ежели Москва называется Третьим Римом, то её допустимо в той же степени соотносить и с Вавилоном, так как требуемая для того основа тщательно прорабатывалась в виде специально создаваемых легенд.

Поэтому «Сказание о Вавилоне» представляет особый интерес, так как не задействует твёрдых религиозных мотивов, не исходя от христианства, а связывая текущее положение напрямую с благим волеизъявлением Бога. К жизни вернулось забытое прошлое, когда в том снова возникла необходимость. Сама Русь, ещё не преемница Византии, заметно обособлялась, не имея над собою прежнего сдерживающего обстоятельства.

Не станем развивать точку зрения исследователей, предпочтя внимать дошедшему до нас произведению без отвлече-

чѐнных размышлений о малосущественных особенностях назначения «Сказания о Вавилоне». Читателю-потомку важен непосредственно ход повествования, раскрывающий богатство утраченного наследия, уничтоженного монгольскими нашествиями. Теперь не установить, сколько уникальных литературных работ истлело.

Написано ли «Сказание о Вавилоне» именно в конце XIV века? Или это самая старая сохранившаяся редакция? То, что сказание является переработкой византийского предания – воспринимается скорее правдой. Происходящее действие относится к концу IX или началу X века, времени царствования Льва VI Философа, либо к иному другому произвольному времени. Правдивость изложения под сомнением, так как тогда хватало сказочных сюжетов, имевших малое отношение к реальности.

Внимание привлекает не обстоятельство написания, а свойственная произведению структура посещения неведомой страны. Событийность практически никак не развита, сообщая минимум возможной информации. Приходится считать, что это связано с низкой осведомлённостью о Вавилоне, важного для христианской религии, как место действия библейских сюжетов. Необычно выглядит и полный опасностей путь, обернувшийся гибелью посланников. Осталось понять, как можно было узнать про их путешествие, ежели никто не выжил, если не принимать версию об осведомлённости трёх представших перед царём святых отроках.

19.10.2017 (<http://trounin.ru/taleofbabylon>)

Татьяна Донценко

«Представители мира» (2016)

Если человек начинает пытаться спасти мир, значит он собирается его уничтожить. А если этим человеком оказывается подросток, то такому миру долго не простоять, поскольку молодые люди не успели узнать достаточно о том, что они пытаются заранее переосмыслить. Подросток продолжает мечтать, представляя рост своей силы. Его фантазии воплощают на бумаге готовые к подобному желанию писателя, будто бы на самом деле возможно, чтобы молодые люди вели человечество к процветанию. И как бы не складывался сюжет, только подрастающее поколение сможет справиться с неприятностями взрослых.

У Татьяны Донценко мир наполнен волшебством. Её Вселенная разделена на уровни. На первом живут обыкновенные люди, на втором – герои произведения, на третьем – кто-то ещё. Каждый уровень плавно перетекает в последующий, то есть миру без магии в будущем предстоит оказаться оной наполненным. Глубоко Татьяна не смотрит, оставив размышления о вариациях проблематики понимания до лучших времён. На момент повествования Вселенная просто открывает двери для читателя.

На втором уровне имеется магический синдикат, продающий волшебные палочки, чем позволяет магии приходить

в дом каждого желающего. Главой синдиката являлся дед главной героини, пока он не пропал. Теперь мир стоит едва ли не на грани катастрофы, так как никто не может с точностью сказать, чем обернётся для людей завтрашний день. Разобраться в ситуации сможет внучка пропавшего. Ей ещё не исполнилось четырнадцати лет.

Угроза второму уровню реальна. Однако, мало кто знает, что он живёт в многоуровневом мире. Не знают этого и основные действующие лица. Откуда исходит источник опасности? В этом надо разобраться. Как? Допустим, побывать на первом и третьем уровне. И если первый – примерное представление о прошлом, то третий – нечто недоступное пониманию. Может второй уровень достиг права перейти на новую ступень развития, потеснив третий в сторону четвёртого, а первый поставив на собственное место?

Главная героиня будет искать деда, ибо только он разберётся в столь непростой ситуации. Тут и отмечается важность повествования Татьяны, не до конца доверяющей способностям подростков управлять происходящими в мире процессами. Произведение и начинается со строчки, в которой право изменять мир отдаётся старшему поколению. Прежде нужно обеспечить справедливость, возводя на её основе счастье для всех. Вот именно с этой задачей постараются справиться подростки.

Впрочем, юные представители человечества издревле используются взрослыми для исполнения ими задуманных

целей, воплощая их руками собственное счастье, причём не всегда с тем положительным знаком, якобы сопутствующим направленной на общее благо деятельности. По данной причине читатель пусть судит о происходящем на страницах самостоятельно, ведь не существует тех, кто способен угодить абсолютно всем.

Остаётся отметить интересно представленный мир, тогда как происходящее в нём такого же интереса не вызывает. Поведение действующих лиц, перемещение по локациям, поиск и его результат: дополняют представление о Вселенной, не давая сверх того ничего другого. Татьяна раскрывала детали уровней, для чего позволяла действующим лицам совершать движения, будто иного смысла в присутствии персонажей не имелось.

При чтении постоянно меркнет желание узнавать продолжение истории. Автором сказано достаточно, дабы задействовать собственную фантазию и представить, каким образом следует мир доработать. Но, если задуматься, мир Донченко не настолько уникален, каким он может показаться на первый взгляд. Всё представленное на страницах встречалось в других произведениях, Татьяна же решила разграничить пространство, поделившись личным видением. Так появилось произведение «Представители мира». Осталось пожелать не останавливаться на достигнутом.

20.10.2017 (<http://trounin.ru/dontsenko16>)

Николай Карамзин «История государства Российского. Том V» (1818)

Пятый том «Истории государства Российского» продолжился темой дальнейшего возвышения Москвы. Великий князь Димитрий Иоаннович, запомнившийся потомкам по прозванию Донской, разрывался между вольным нравом русского народа и продолжавшимся ростом влияния Литвы. Требовалось уравновесить земли Руси, что Великому князю удастся практически добиться всего лишь один раз, отражая набег Мамай в 1380 году. Карамзин старался показать происходящее именно на территории страны, так как после он снова неизбежно переведёт внимание читателя на события из жизни соседних государств.

Важным для Руси становится именно противостояние Литве. Карамзин так и говорит, напоминая о несостоявшемся сражении между Димитрием Иоанновичем и Ольгердом, результат которого мог привести к полному подчинению одного другому, возможно с окончательным падением России, либо Литвы соответственно. Воспринимаемое ныне определяющим: Куликовское сражение, Карамзиным отражается сухо. Не видел он ничего особенного, требующего пристального рассмотрения. Гораздо важнее последовавший затем

поход Тохтамыша на Москву, приведший к её разорению. После этих трёх критических событий требовалось восстанавливать Русь и умирять новгородцев, полюбивших грабительские набеги, как на русские княжества, так и на прочие владения, в том числе и ордынские.

Димитрию Донскому наследовал его сын Василий, севший на великое княжение в возрасте восемнадцати лет. За его сорокалетнее правление Карамзин так и не нашёл слов, чтобы поведать о происходившем внутри Руси, тогда как широко осветил дела Литвы и Орды, периодически между собой враждовавших, сравнившись по силе. Пока Русь оставалась данницей чингизидов или их наместников, Великий князь литовский Витовт ни в чём не уступал Тохтамышу, скорее его превосходя.

Ордынские распри создали неясную ситуацию, когда стало непонятно, кому подчиняться. Тохтамыш вступил в борьбу с Тимуром и проиграл ему. Сам Тимур вторгся в южные пределы Руси, грозя нашествием страшнее похода Батые. Карамзин старался понять, почему Тимур повернул на юг, не прельстившись скудностью богатств Руси и вероятно не посчитав нужным терпеть северный климат, тогда как его манили страны Востока.

Единственный важный аспект правления Василия Димитриевича – упоминание о двух митрополитах на Руси. Религия имела важное значение для политики, так как не владея более Киевом, находящийся в Москве митрополит продол-

жал считаться Киевским, тогда как Киев отошёл к Литве ещё при княжении Ольгерда.

Сын Василия Димитриевича Василий Васильевич, позже прозванный Тёмным, сел княжить в десятилетнем возрасте. Наметившуюся смуту из-за желаний некоторых князей объявить о праве на старшинство в роде, он переждал в землях казанских татар. Говоря о Василии Тёмном вообще, Карамзин отмечает часто случавшиеся акты неповиновения, особенно в лице Дмитрия Шемяки, ослепившего Василия Васильевича. Но не это интересовало Николая, куда интереснее ему рассказать о соборе представителей трёх христианских церквей с целью выработки общих позиций и о гибели Византийской Империи.

В окончании тома читателю предлагается взглянуть на отсталость Руси от государств Европы, поднявшееся духовенство и появление казаков. В свою очередь читатель видит, как отошли на задний план любые происходившие со страной события, если они не касались совместного Владимирского и Московского княжества. Совершенно не оговаривается статус Киева, прежде имевшего огромное значение, а после незаметно потерянного, как и ощутимое запустение Киевщины и окружающих земель, преобразовавшихся в казацкую сечь.

Время раздробленности Руси близилось к завершению. Должный вскоре воссесть на княжество, Иван Васильевич избавит страну от монголо-татарского ига и станет тем, кем

воистину требовалось восхищаться. Этому Каразин посвя-
тит весь VI том.

20.10.2017 (<http://trounin.ru/karamzin5>)

Николай Карамзин «История государства Российского. Том VI» (1818)

Иван III Великий с малых лет готовился занять место Великого князя, но волею судьбы был провозглашён Государем всея Руси. Его царствование длилось до 1505 года, он пережил двоих соправителей, передав права на власть своему сыну Василию III, отцу Ивана IV Грозного. При нём заново объединена Русь, чего не случалось со времён правления первых Рюриков, соседние государства трепетали перед могуществом Москвы, оказывавшей на них влияние и, благодаря здравому смыслу, позволявшей продолжать существование без уничтожения или поглощения.

Важным шагом в политике Ивана III стала женитьба на Софье Палеолог, дочери брата последнего императора Византии Константина XI. Являясь выходцем с осколка греческой империи – Мореи (средневековое название полуострова Пелопоннес, более известного в качестве части владений древних Спарты и Лаконии), Софья обязана была сохранить в своём нраве отголоски прошлого. Как это сказалось на её детях, Карамзин не сообщает, однако сей факт представляет определённый интерес.

Стремление к Европе обозначилось у Ивана III за счёт

приглашения итальянских архитекторов и военного инженера Аристотеля Фиораванти. Много об этом говорить не имеет смысла, нужно только учесть склад характера царствовавшего государя, стремившегося находить примирение со всеми, если они ему более ничем не угрожали. Преобразовать страну допускалось по разному, поэтому одним из первых, кто считал необходимым привносить европейские ценности на Русь, безусловно был Иван III.

Внутренние проблемы решались таким же методом примирения. Без проявления насилия, играя словами и вынуждая совершать желаемое, Иван III сумел даже склонных на интриги новгородцев признать его власть над ними. Не было и особого военного противостояния, когда разрешился период превосходства Орды, вошедший в историю эпизодом, прозванным стоянием на Угре. Ливонский орден мог быть уничтожен, как и Казанское ханство, чего не случилось всё из-за той же политики примирения.

Карамзин о правлении Ивана III рассказывает широко и с подробностями, прежде всего вследствие важности понимания фигуры правителя, называемого современниками-европейцами Великим. Само это обстоятельство требовало пристального внимания. Во всём остальном, поскольку перед читателем не биография Ивана III, слог повествования неизменно продолжает оставаться у Николая сухим.

Какая информация имелаась в распоряжении, той Карамзин и поделился. Он не стал создавать нечто большее,

не примерял роли исторических лиц и не наполнял повествование красками. Затронутыми оказались важнейшие моменты, тогда как в остальном панорама тех дней осталась скрытой от внимания. Конечно, рассказывать о восстановлении влияния Руси приятно. Вместе с тем, трудно найти моменты, на которые следует опираться в повествовании. Ведь жизнь государства, насколько бы не была связана с правителем, зависит от разнообразия одновременно существующих факторов, влияющих друг на друга. У Карамзина всё исходит непосредственно от волеизъявления находящегося у власти человека.

В первых томах, где большей частью использовалась «Повесть временных лет», наблюдалось обязательное присутствие отвлечённых событий, почти никак не связанных с самой историей. Чем дальше приходилось погружаться, тем более неохватным оказывалось происходящее. Потребовалось сравнивать и соотносить, используя точную привязку между случившимся. Так «История государства Российского» отошла от понимания собственной истории через восприятие творящих её личностей к истории, где происходящее в стране зависит от внутренних дел иных государств и их правителей.

Это связано с обширностью доступных источников, позволяющих судить не так узко, как то допускалось раньше. Какой бы не делался теперь упор на личность царствующего правителя, от него зависит малое. Он сам – заложник ис-

тории. Посему остаётся показать, как ему удавалось справляться с трудностями. Согласно Карамзину, Иван III правил твёрдо и ни с чьим мнением не считался.

21.10.2017 (<http://trounin.ru/karamzin6>)

Людмила Улицкая «Даниэль Штайн, переводчик» (2006)

Какой лучше выбрать носитель информации? Неважное, главное, чтобы люди смогли с него читать. Какой веры следует придерживаться? Любой, главное, чтобы люди не переставали осознавать себя людьми. Как нужно жить, чтобы избежать конфликтов? Никак, поскольку человек всегда будет стремиться обособиться от себе подобных по какому-либо надуманному принципу. Возможно ли достичь согласие, не находя понимания? Конечно, поскольку человек всегда об этом мечтает. Так почему не получается преодолеть разобщённость? Улицкая решила об этом рассказать на примере жизни Освальда Руфайзена: еврея, католика, переводчика.

Но как поведать о том, для чего нельзя найти собственных слов? Потребовалось прибегнуть к помощи других. Поэтому со страниц произведения звучат голоса разных персонажей, сообщаемые читателю в виде писем, аудиозаписей и прочих всевозможных документальных свидетельств. А как выстроить на этом материале хронологически последовательную историю? Улицкая решила такого не делать, разместив сообщения вразброс. Не возникнет ли повторений сюжетных линий? Обязательно возникнет. Даже допустимо сказать, что повторения встречаются в непозволительном коли-

честве, порою заново пересказывая прежний текст, но другими словами.

Кто же представлен читателю? Человек сложной судьбы, имя которому Даниэль Штайн. Родился он незадолго до Второй Мировой войны и встретил её при не самых простых обстоятельствах, став переводчиком между поляками и немцами. Это не самый трудный период в его жизни, так как больше проблем он встретит после, когда столкнётся с нежеланием евреев признавать в нём соплеменника, а среди христиан к нему появится ряд претензий из-за своеобразного понимания догматов. Уже не переводчик между поляками и немцами, Даниэль остался переводчиком между конфессиями, а также между людьми и Богом. Понимая его, все продолжали стоять на своём, словно не желая уразуметь истину, что вера не имеет значения, когда важнее придти к согласию вообще, дабы не иметь разногласий.

Улицкой действительно требовалось найти особый подход к читателю. Всё сказанное ей на протяжении произведения – религиозный трактат с вкраплениями философии, подводящий к осознанию глупости общественных установок человека. В суете каждого дня кроется переходящее из поколения в поколение заблуждение, не позволяющее довериться пророкам, подвергая сомнению их проповеди. Как некогда бродили евреи по пустыне сорок лет, так продолжает бродить остальное человечество, не находя покоя и умиротворения.

Писателю, решившему рассказать о людях, подобных

Освальду Руфайзену, необходимо обладать аналогичным даром, поскольку иначе он не сможет доходчиво объяснить их мировоззрение. Но это не гарантирует того, что такие люди будут правильно поняты самим писателем, и не окажутся иным образом истолкованными. Для устранения возможных недоразумений требуется взять их взгляды за основу, показав читателю схожую историю, допустив в ней всё угодное личным представлениям о кажущемся правильным.

Посему откажемся от укоров в сторону Улицкой. Ею рассказана довольно правдивая версия имевших место событий, пропущенная через себя и многих других, имевших возможность лично общаться с прототипом главного героя произведения. Помимо самого жития, пришлось проанализировать ряд событий, начиная с библейских времён, понимая под ними нынешние страдания человека, не имеющего возможности вернуться к исходному состоянию райского блаженства. Ежели ранее евреи боролись с несправедливостью, вследствие неспособности сие уразуметь, так таковыми остались до наших дней, на свой лад трактуя ниспосланное им Богом, отказываясь верить в для них предустановленное.

Стена возводится в головах. Каждый народ на свой лад совершает с этой стеной ему потребное. Но стена остаётся нерушимой, возведённой ради демонстрации собственной уникальности, и даже особого указания на избранность. Важно понять, стена возводится именно человеком... не Богом. Для Высшей сущности все существа на земле равны.

Главный герой произведения Улицкой это понимал, теперь это должен понять и читатель.

21.10.2017 (<http://trounin.ru/ulitsky06>)

Александр Сумароков «Новые лавры», «Прибежище добродетели» (1759)

Пока Европа велика, Россия взнет в нищете? Но почему случилось так, что нищая Россия держала верх в войне? Откуда сила, почему такой напор одолевать врага? Зачем России дух Европы, зачем Европы русским суета? Не проще отвернуться, были бы заботы, кругом как окружали, подобно пчёлам мёда соты, так продолжают окружать, за дела чужие заставляя отвечать. Отринем это, вспомним о былом иначе, подобно Сумарокова словам, когда победа приходит за победой, пускай балет останется за горькое отрадой нам.

Зачем печалиться, что от печали будет? В печаль впадёшь, в печали горе разве позабудешь? Не так о горе принято судить, такое горе помешает счастье ощутить. И посему давайте объявим торжество, и в торжестве найдём награду мы за испытанное прежде всё. Вот победила армия России, вот пали Пруссии сыны: велико отныне положение, для чествования победителей важно новые лавры найти. По поводу сего правителю балет дадут, покажут государства власть, и правитель позволит такому государству чествовать победы сласть.

Какая музыка играла, как танцевали: увидеть не дано. Сохранились для потомков строчки, по ним каждый восстано-

вит былое торжество легко. Сперва пролог – «Новые лавры» дают, славу императрице Елизавете Петровне со сцены поют. Величественно отзываются и о делах Петра, величайшего преобразователя и преобразований творца. Ода есть ода, Сумароков толк в них знал, поэтому не стоит дивиться, как шумно волновался собравшихся зал.

Минерва, Аполлон, Нептун, Марс и боги остальные, все рады россиян придти поздравить, пусть потомок о Семилетней войне малое может представить. Пришедших божеств воля добавит интерес, прогремит о России весть до небес, коли богам есть за чем с любопытством следить, значит любимчики могут в их среде быть. Сумароков посчитал, что важно показать проявление почёта, значит и о России у богов есть забота.

Что предворяли «Новые лавры» сейчас не понять. Иной балет в сочинениях есть, о нём важно знать. «Прибежище добродетели»: может сей балет следом поставлен был? Мощью представлений он безусловно глаз Елизаветы покори́л. Показана Россия там за унижаемую Европой, глухо звучащей среди общего звука нотой, не принимаемую и воспринимаемую за лишнее звено. Так зачем России глотать обиду? Обида – не вино. Обида – слёзы горьких дум. От слёз не чувствуют себя бодрее. Зачем с добром идти в Европу, которой места на планете нету злее?

Где добродетели быть, как не в России? И потому, весьма понятно, откуда ненависть Европы и зависть Европы поче-

му. Иных причин искать не станем, не тот достался момент нам, балет давался императрицы ради, придворных ради он давался дам. Одержана победа, важно это, о прочем судить другие будут, да только, как всегда, успехи русских, помощь русских и самих русских в Европе позабудут.

Печалиться? Отнюдь! Балет на сцене. Балет прекрасен. Прекрасны речи. Славят русских даже в Вене. Победа общая, в тот август Франкфурт видел битву, он россом видел – их ловитву. Он видел павших пруссаков, он видел пруссаков бегущих, и видел он австрийцев в плен противника берущих. Там мощь явила русская держава, достоин уважения решительной атаки шаг, но для Европы, как и прежде, Россия есть и будет враг.

Боролись страны, кровь лилась, и вот забыто. Поток времени всё оказалось напрочь смыто. Утихли звуки, больше нет балета, осталось от потомков ждать ответа. Вновь воевать, бороться, кровью орошать поля сражений? И только ради важных ныне нам мгновений? Об этом позабудут уже завтра, и что тогда? Ведь не вспомнят о прошлом люди никогда.

22.10.2017 (<http://trounin.ru/sumarokov59>)

Сказание о Довмонте (середина XIV века)

Предания создаются не для того, чтобы в них верить, а для героизации прошлого, в чём люди остро нуждаются. Например, Пскову потребовалось найти среди предков достойного воспоминаний человека, оным стал Довмонт, бежавший из Литвы и принявший на Руси крещение под именем Тимофея. Псковичане сделали его князем над собой, и началась с той поры слава великая, памяти потомков достойная.

Прошное Довмонта смутное. Он мог быть знатного рода, а мог и не быть. Мог быть изгнан в результате междоусобной войны, а мог спешно бежать, опасаясь смерти. Ясно другое, духа в Довмонте хватало, когда его окружали русские, готовые с ним идти разорять земли литовские и немецкие, и чудить земли. И вёл Довмонт русских, и жгли они поселения, и людей убивали, и в плен людей уводили, делая это, пока князь вражеские отлучались по делам государственным в пределы владений иных государей. И шли потом князь обиженные мстить за поруганные владения, и биты были, и возвращаясь ни с чем, ибо Довмонт сильнее оказывался.

Что деяния Довмонта действительно великими были? Шёл он ратью многотысячной, встречал сопротивление многотысячное, выходя из сражения с многотысячными потерями? Нет же. Откуда на Руси взяться люду, ордынцами неза-

долго до того истреблённому, ведь жил Довмонт в конце века XIII, аккурат после нашествия Батыя. Шёл Довмонт на врага числом воинов хорошо если в тысячу. И встречал враг его числом воинов хорошо если в такую же тысячу. И была сеча между ними, и выходил Довмонт победителем, ибо духа он сильного оказывался, не встречая организованного сопротивления.

Велик был Довмонт: под защитою Святой Троицы находился он. Молился Святой Троице и с именем Святой Троицы в бой ходил. Всюду его сопровождал успех, поскольку не имел враг защиты такой же славной силою. Так сказитель ведал, в том находя объяснение успехам княжеским и успехам псковичан в особенности. Всегда помогала Святая Троица, достаточно вспомнить о ней было. Вспоминал посему Довмонт Святую Троицу, но чаще вспоминал сказитель, вкладывая мысли свои в голову княжескую.

А правдиво ли сказание? Уникально ли оно? Представлял ли сказитель, о чём рассказывает? Отчего в сказании заимствования встречаются, порою слово в слово записанные? Как пример ярчайший – битва Довмонта с Ливонским орденом. Бился Довмонт и бился отчаянно. С магистром ордена бился он и в лицо ранил его, словно Александр Невский, таким же образом бившийся и в лицо бивший врагов предводителя. Красками наполнилось сказание, но переполнилось недоверием внимающего.

Славными делами прославился Довмонт, жаль не удосто-

ился рассказа о себе правдивого. Стал он человеком из легенд, собственной легенды достойным, и стал героем легенды собственной, понимаемой не иначе так, как понимаемой согласно сказанию о нём сложенному. Не умаляет то заслуг Довмонта, ибо не умаляет заслуг история, если не переписывает их, да основного не перепишет, дабы бывшее думающему яснее ясного становилось.

Прожил жизнь Довмонт опасную, правил долго он и почил от болезни в постели своей. Запомнился он современникам, летописи о нём напоминанием стали, и стал сказания достоин князь, и было оно написано глубокими правнуками, чьи предки из уст в уста передавали детям своим о некогда с ними происходивших событиях знаменательных, истинно героических.

Теперь мы, потомки, многожды раз многих глубоких правнуков живущие, внимаем сказанию о Довмонте и хвалим его.

22.10.2017 (<http://trounin.ru/taleofdaumantas>)

Галицко-Волынская летопись (XIII век)

При понимании истории России почти никак не воспринимаются события, происходившие в XIII веке, времени первого отпадения Киева, когда на обширной территории с севера на юг протянулось большое государство, называемое Галицко-Волынским княжеством. Его западное положение, относительно остальных владений русских князей, выделило его. Оно почти не было затронуто нашествием Батые и потому вело политику в отношении прочих соседей, мирно соседствуя или воюя с Литвой, Польшей, Венгрией и половцами. Время расцвета этого княжества описано в Галицко-Волынской летописи, дошедшей до нас в составе Ипатьевской летописи.

Составителей исторической хроники прежде прочего интересовало происходящее с правившими князьями, войны и ярчайшие события на Руси. Поэтому в годы затишья в летописи так и написано, что ничего не происходило. Повествование начинается с 1201 года, а в 1203 году внук Мономаха Роман Мстиславич силой взял Киев, получив вследствие того титул Великого князя. Дальнейшие события запутывают читателя, учитывая частую ротацию владельцев княжеских титулов. Тот же Роман Мстиславич в разные годы правил землями новгородскими, галицкими, волынскими и объ-

единёнными галицко-волынскими.

Батыево нашествие приводится в летописи согласно текста русских летописей. Многие описания повторяют друг друга, но чаще дополняют или с другой стороны смотрят на события. Как пример – сказ про умерщвление Михаила Тверского в Орде. Согласно Галицко-волынской летописи Михаил всего лишь отказался кланяться идолам, чем вызвал гнев хана и потому был казнён, без излишнего упора на религиозные мотивы.

Любопытным эпизодом выглядит именование Галицко-Волинских князей. Роман Мстиславич мог называться самодержцем всея Руси или царём Русской земли. Сын его, Даниил Романович, благодаря воле папы Иннокентия IV до конца жизни имел титул короля Руси.

После смерти Даниила Романовича история Галицко-Волинского княжества теряет единую нить, находя продолжение в отношениях следующих князей с Русью и Литвой. Само объединение княжеств не даёт представления об их единстве, ибо галицкие и волинские земли могли управляться разными князьями. К моменту окончания летописи у княжеств появится единый владетель – Лев Данилович, сын Даниила Романовича.

Почему же история Галицко-Волинского княжества ныне представляет малый интерес для читателя? Вектор развития был направлен в иную от нужд Руси сторону. Со временем территория княжества окажется поглощена Литвой, Поль-

шей и Венгрией соответственно, окончательно выйдя из поля зрения исторических процессов самой России. Галицкие и Волынские князья в той же мере не интересовались происходившим на Руси, отдавая приоритет политике западных соседних государств.

Теперь, когда Галицко-Волынская летопись усвоена, необходимо переосмыслить понимание прошлого. Нужно увидеть ранний крах Руси, предварявший нашествие Батыя. Внутренняя раздробленность привела к глубоким изменениям. Но, поскольку разорение не коснулось северных частей (Новгород) и западных (Галицко-Волынское княжество), нельзя однозначно утверждать случившийся крах и впоследствии. Культура Руси не была уничтожена и не было полного вырождения морали, как о том может теперь думаться.

Галицко-Волынское княжество лучше считать составной частью Руси, ведшим собственную политику, так как соседуствуя с европейскими государствами, правившие им князья испытывали обоснованную необходимость иметь отличное представление о политике вообще. Это в свою очередь позволяло русским княжествам враждовать с приходящими с юга кочевниками или с севера скандинавами и немцами, не заботясь об опасности с запада, где и располагались земли Галицкого и Волынского княжеств.

Теперь, дабы избежать укоров историков, следует сказать, что анализу подверглись не реально происходившие собы-

тия, а описанное непосредственно в тексте летописи. У летописцев имелось собственное представление о происходившем, поэтому личным мнением может располагать каждый с ним ознакомившийся.

23.10.2017 (<http://trounin.ru/gvchronicle>)

Дмитрий Мережковский «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» (1924)

Боги у Мережковского умирали и воскресали, теперь пришла пора им родиться. Для этого понадобится вернуться на несколько тысячелетий назад, к событиям, происходившим на Крите, принять участие в которых мог Тутанхамон. Впрочем, памятуя о делах его отца, боги уже умерли, уступив место в иерархии небесных созданий Атону. А дальше следует трактовать события в любом удобном каждому виде, поскольку знать историю Древнего Египта мало кому под силу.

Как относиться к богам древнеегипетского пантеона? Есть разные, согласующиеся с общеизвестной мифологией. Есть Атон – противопоставленный им единый бог. Что об этом мог знать Мережковский? Какого уровня достигла египтология к 1924 году? Непосредственно гробницу Тутанхамона начали раскапывать за год до этого. И самое основное, бросившееся в глаза при чтении надписей, говорило о перемене имени с Тутанхатон на Тутанхамон, как результат отмены религиозных реформ Эхнатона и возвращения к почитанию Амона.

Мережковский не считался с этим. Он иначе смотрел на прошлое, примеряя его под собственные представления о действительности. Для Дмитрия важнее казался культ Ве-

ликой Ма (читатель под нею понимает – Родительницу всего). На страницах встречаются ночные фантазии о Лилит (её читатель видит согласно мнению о существовании у Адама другой женщины – до Евы). В сюжете кажется присутствие мертвецов, вроде бы даже из древних, а может и не очень преданий.

Какой он был Египет тех далёких дней? Отчего он воевал с Ханааном и отчего с ним не воевал? Почему необходимо было отправить войска на границу, но фараон того не хотел? И какие были жертвоприношения, если в жертву никого не приносили? А ежели приносили, то обязательно людей. И почему не рассказать о Минотавре, некогда обитавшем на Крите? А может продолжавшем обитать. Обрывков сведений у Мережковского хватало – полную картину он создаёт с помощью фантазии.

Первые книги Дмитрий писал сугубо опираясь на фактический материал. Сюжет его произведений продвигался от одного факта к другому, без лишних размышлений о посторонних деталях. Древний Мир таких сведений о себе предоставить не мог, посему требовалось домысливать самостоятельно. Только обильным на слова быть не получилось: «Рождение богов» – не роман, а повесть.

Как не рассказывай о фараонском Египте, не избежишь пафосной манеры речи. Писатели представляют действующих лиц неизменно надменными. Никого не беспокоит суета, по причине её отсутствия. Всё возвышенно и благородно.

но, словно в лучших домах Европы. Монархи обязаны покорять воображение черни, хотя бы тем, что им не свойственно ничего неизменного. Возведённый в абсолют образец знающих цену своей личности людей, без намёков на иное. Хотелось бы так думать, да почему-то кажется, будто и египетские фараоны не чурались грязных помыслов.

О чём же всё-таки рассказал Мережковский? Разумеется, о рождении Бога. Но почему новый бог должен был заменить старых богов, тем более самого Атона? Будем думать, что Дмитрий не до конца представлял, насколько тяжело обстояла ситуация вокруг правления отца Тутанхамона, даровавшего египтянам как раз культ единого Бога, которому одному следовало поклоняться и забыть о существовании всех прочих божеств.

Не представлял Дмитрий и самого Тутанхамона, если отправил его с посольской миссией на Крит, тогда как он к тому моменту в действительности не достиг ещё восьмилетнего возраста, ибо ему было именно восемь лет, когда умер Эхнатон, и лишь через два года Тутанхамон стал фараоном. Поэтому к произведению Мережковского лучше относиться как к некой легенде о прошлом, и не более того.

23.10.2017 (<http://trounin.ru/merezhkovsky24>)

Дмитрий Мережковский «Мессия» (1927)

Тему Древнего Египта Дмитрий Мережковский продолжил развивать в произведении «Мессия». Суть его свелась к осмыслению войны в качестве необходимого элемента для выяснения, какому богу следует остаться среди людей в качестве почитаемого. Вернее, Бог останется Богом, покуда ему сопутствуют состояния покоя и враждебности, а после он будет переосмыслен и принят в ином его понимании. Получилось, что Мережковский на свой лад представил Троицу: война, мир и Бог.

Под войной Дмитрий понимал стремление почитать Амона, под миром тогда подразумевалась вера в Атона. Почитатели первого не желали примирения с соперниками, вторые проповедовали ненасильственное разрешение конфликтных ситуаций. Но без противостояния человек существовать не может, поэтому за Амоном всегда будет оставаться перевес.

Тяжесть, лежавшая на плечах, Тутанхамона заключалась в необходимости вернуться к верованиям предков, либо, скорее всего, на такой шаг его склонили жрецы. Будучи юным, Тутанхамон не мог противостоять мнению взрослого окружения, чем, остаётся предполагать, спровоцировал свою раннюю смерть: на нём пресеклась XVIII династия. Война

бушевала в сердцах египтян, поэтому юному фараону предстоит на последних страницах произведения Мережковского сражаться с Рамосом.

Проникнуться содержанием «Мессии» Дмитрий не позволяет. Он наделяет действующих лиц сторонними размышлениями, повествуя о том не самым доходчивым языком. Чтобы проследить сюжетную линию, нужно крайне внимательно концентрировать внимание на каждом слове, иначе события проходят фоном, оставляя для читателя в качестве главной составляющей мысль о подготовке людей к осознанию возможности существования единого Бога.

Но идея Мережковского является излишне кровавой. Нельзя уразуметь, что человечеству необходимо постоянно воевать, дабы осознать свою сущность через понимание определённого Высшего существа. Человек по той причине и воевал, и продолжает воевать, ибо желает видеть в понимании других собственное представление о боге, тогда как ни одному ныне живущему то не под силу. Понимание бога на самом деле – это желание следовать определённой модели общественного поведения, и только.

Поэтому видеть, как Дмитрий строит мысли действующих лиц, заставляя их мыслить человеческую сущность именно через божественное волеизъявление, не получается. Читатель понимает, каким образом личная страсть каждого стремится проецировать собственное мировоззрение на других, словно кто-то ещё должен придерживаться точно таких же

взглядов. И это при том, что существуй твёрдое мнение относительно чего-то сейчас, завтра оно кардинальным образом изменится. Для примера допустимо взять любое обстоятельство и постараться изучить отношение к нему хотя бы тысячу лет назад.

Мережковский пошёл дальше. Он погрузился в прошлое на три тысячи лет, которое никак не получается себе представить. Особенно, если дело касается религиозных предпочтений. Нельзя из ничего придумать войну между последователями богов, давая сторонникам Амона и Атона третьего участника придуманного для них конфликта – Бога. Никто не знает, насколько допустимо считать победу бога христиан окончательной в необозримом будущем, поскольку он к началу третьего тысячелетия так и не стал доминирующим, скорее подпав под разделение о его понимании между разными конфессиями, провоцируя между ними очередной виток противостояния.

Как же человечеству придти к согласию и перестать искать причины для конфликтов? Давайте для ответа на этот вопрос, отвлечёмся от произведения Мережковского. Нужен внешний враг. Никто не даст гарантий, якобы Бог ранее выступал на стороне землян. Более того, согласно Библии именно Бог чаще других убивал людей, устраивая катаклизмы планетарного и локального масштаба. Так почему человечество, и Дмитрий в числе прочих, активно проповедует подчинение порядку через уничтожение себе подоб-

ных? Сейчас об этом рано говорить, но когда-нибудь у землян внешний враг будет, причём созданный по образу и подобию самих землян. И может быть Земля окажется уничтожена. Вот тогда-то и станут искать защиту у бывшего внешнего врага, забыв, кем он некогда являлся.

25.10.2017 (<http://trounin.ru/merezhkovsky27>)

Александр Сумароков

«Альцеста» (1759)

Жена Адметова Альцеста, её поступок и деяния богов, то стало Сумарокова причиной плохих снов. Как пищу есть – вкушать амброзию стихотворений сочинителю, первому из первых русских опер родителю? Минуло время, пора настала для другой, мифологически выверенной и очень простой. О самопожертвовании тот сказ, не оригинальный теперь, но не будь удручён, читатель, поэту ты верь. Глюк позже расскажет историю схожую, а может и раньше, если в хронологии до нас дошедшей нету фальши. Посему, выпивая нектар сохранившихся строк, посмотрим, о чём Сумароков поведать смог.

Адмет, царь Феры, славный муж. В подвигах своих он доказал насколько дюж. На вепря с мужами славными ходил, с аргонавтами за руном он тоже плыл. И вот напасть случилась из-за обиды богов, умереть Адмет должен был быть готов. Или спастись, если за него умрёт кто иной. Да кто знал, что жена станет жертвою той. Она известна, имя ей Альцеста, или Алкестида, если это сильно интересно. Задача Сумарокова показать событий развитие, словно собственное то было наитие.

Вот действие первое. Горе на сцене. Адмет удручён, не готов опочить ещё в тлене. Аполлон поможет, он даст надежду

избежать гнева Артемиды, взявшейся судить, кому погибать, если забыты бога силы.

Вот действие второе. Разговоры, и за ними ничего. Сумароков писал, не жалел никого. Согласно легенде: ни шагу назад. В третьем действии Геракл появится, знаком и сей шаг. Знаком путь героя, как явит Адмету жену, спасённую, живую, верную лишь ему. Всё по мифическим преданиям, вернее по трагедиям древних поэтов, ставших источниками всех античных сюжетов.

Но Сумароков достоин похвал, как спорить о том, если русскому читателю старый сюжет мог быть не знаком. Он и сейчас известен не всякому, и не нужно то никому, всегда приятно искать забытую встарь новизну. Может хворал кто, что вдохновило поэта, ведь чем-то его любопытство к прошлому было задето. Пример яркой жертвы, причём во имя супруга, читатель согласится – велика сия заслуга.

Важно и то, каким показан муж, принявший жертву жены, он ведь не стал рвать волосы и стонать: это, читатель, пойми. Адмет согласился с волей богов, он смирился и жить с печалью собрался до скончания дней, не реши ему помочь Геракл, сделав остаток жизни светлей. Ведь мог Адмет обрести жену снова, словно не было жертвы и не было верности слова. Сохранил муж лицо, сохраняя его и тогда, когда девушку привели к нему, дабы принял её, ибо будет жена. Таков урок потомкам, дабы помнили и ждали, супругов умерших своих пред вечностью не предали.

Тем опера кончится, на сцене счастье и уют. Фурии к Адмету больше не придут. Их не было, но кто сказал, что фурии – не муки? Они – есть муки, как сведение всем из древней науки. Лишились мы свидетельств о мучениях Феры царя, может лишились их мы напрасно – лишились их зря. Страдал бы Адмет, ибо жизнь не сладка, когда на жертву пошёл человек, живший достойней тебя. А может он не стал бы страдать – не будем о том дальше гадать.

Сказание на русской почве ожило и задышало с силой прежней. Надеемся, муж к жене потянулся – стал прилежней. А если нет, то вывод может быть один – история не учит, сколь не минуло с давних пор годин.

25.10.2017 (<http://trounin.ru/sumarokov1759>)

Рукописание Магнуша (конец XIV века)

Будучи слабым умом, король Швеции Магнус Эрикссон якобы составил завещание, потерпев перед этим кораблекрушение и приняв монашеский постриг. Он призывал не нарушать перемирие с Русью, ибо это грозит многочисленными бедами. В дошедшем до нас тексте ясно говорится, как до морского происшествия Магнус уже имел расстроенную психику, вследствие чего его держали на цепи и не позволяли выходить из помещения. Пусть читатель сам считает, насколько обоснованными были предостережения короля Швеции, написанные где-то на Руси и для единоплеменников Магнуса скорее всего оставшиеся неизвестными.

В рукописании приводится историческая информация, сообщающая об удачах Александра Невского и неудачах тех, кто нападал на Русь, вне зависимости от того, был ранее заключён мир или нет. В числе оных числится и сам Магнус, бравший Орехов и оставивший его без охраны, вследствие чего град был утерян. Тут скорее поступками Магнуса двигало легкомыслие, ежели он вернулся через год и обнаружил Орехов занятым, после чего бежал и был добит поднявшейся на море непогодой. С той поры на Швецию обрушились потоп, мор, голод и междоусобица.

Ещё не раз Магнус потерпит кораблекрушение, в резуль-

тате последнего оказавшись на русской земле, где он станет в дальнейшем прозываться Григорием. Относительно официальной его судьбы принято считать, что он погиб в море, без каких-либо дальнейших измышлений.

Теперь предлагается подумать, почему «Рукописание Магнуша» вообще сохранилось. Его подлинность под сомнением, содержание в той же мере вызывает недоверие. В тексте есть отражение реально происходивших событий, однако ключевое значение отводится призыву не воевать с Русью из-за должных произойти следом несчастий. Летописцы не стали учитывать прочих деяний короля, имевшего разлад с главой католической церкви, поскольку он удерживал часть десятины, предназначенной для Папы. Поэтому гневаться на Магнуса Эрикссона могли многие, и кару он мог заслужить от любого из них, а не сугубо вследствие нанесённых Руси обид.

Сомнительно, чтобы море между Русью и Швецией не славилось бурным нравом, оставаясь спокойным и сопровождая плавание кораблей без происшествий. К тому же, склоки скандинавов вносили дополнительный элемент риска неблагоприятных событий. Пожалуй не стоит развивать эту мысль, так как допустимо высказать любой вариант, отчего передвижения Магнуса заканчивались трагически.

Часто упускаемый из внимания момент – сумасшествие шведского короля. Тронутый умом, он был вызволен сыном из заточения и отправился морем в некое другое место, куда

доплыть не удалось. Магнус три дня провёл на волнах, оставшись единственным, кто выжил. Прибитый к берегу близ монастыря Святого Спаса, он раскаялся и рукописал своё завещание, снова заставляя вернуться к невозможности со здравым смыслом отнестись к тексту оного.

Вероятно, «Рукописание Магнуша» требовалось непосредственно Руси, периодически набиравшей силу и отбивавшейся от накатывающих на её территорию врагов, не гнушавшихся нарушать мир, как и не признавать ранних договорённостей. Русскому народу осталось уповать на проявление небесной кары, способной разрушить врага изнутри. Если в Швеции случилась междоусобица, значит такая же напасть должна поразить Орду, Литву, Польшу и всякого ино-го, посмевшегося покуситься на неприкосновенные земли Руси.

До сих пор, как бы это не казалось странным, вера в слова Магнуса сохраняет силу в сердце русского народа, продолжающего взирать на крушение вражески настроенных государств, пусть всё и не настолько соответствует действительности. К сожалению, «Рукописание Магнуша» мало кого интересует, в том числе и тех, кто проживает в России, что же тогда говорить о представителях иных стран.

26.10.2017 (<http://trounin.ru/testamentofmagnus>)

Евгений Клюев

«Андерманир штук» (2010)

Что делать, если человек не взрослеет? Детское восприятие должно уступать место осознанному пониманию действительности. Это не всегда происходит, отчего понимание мира переходит на уровень выше, желаемый быть истолкованным за счёт мистических материй. Неужели и тогда всё происходящее продолжает оставаться подверженным истолковыванию за счёт незрелых размышлений? Почему бы и нет. Сперва чудом является работа фокусника, объясняемая за счёт манипулирования подсознанием зрителя. Но когда секрет фокуса раскрывается, следует искать логическое объяснение в остальном непонятном. Вот тут-то и случается разрыв в восприятии, ведь должно же существовать нечто, чего человеку не дано понять.

Главным героем произведения Евгения Клюева является молодой человек по имени Лев, чья жизнь представлена от момента его зарождения до окончания обучения в специфическом учебном учреждении с уклоном в паранормальные способности. Лев родился в цирковой семье: его дед творил магию, а мать разрезали пополам, отец же приходил, чтобы уйти и никогда более не появляться. Мальчик растёт на глазах читателя и проникается уважением к деду, искусство которого он никак не может понять. Ясно одно, в буду-

щем Лев получит по наследству умение управлять реальностью.

Читатель видит детскую наивность главного героя. Это объясняется комментариями автора касательно того, как совершаются фокусы. В том нет ничего странного, ежели вследствие наличия двойной стенки вода то выливается, то не выливается из сосуда, или из шляпы появляется голубь, находясь внутри неё в однотонном конверте. Необычное объясняется за счёт трудоёмкого процесса по подготовке сопутствующих фокусу деталей и инструментов. Но по мере продвижения по сюжету, читатель замечает, как описание фокусов начинает изобиловать плохо понимаемыми инструкциями, позволяющими заменить одно на другое за счёт подмены окружающих зрителей пространств. Так реальность на страницах произведения Клюева уступает место паранормальным явлениям.

Данное обстоятельство удручает Льва, осознавшего слабость умений деда. Ему желается осознавать мир наполненным настоящей магией, а не её подобием. Происходит надлом в прежних предпочтениях. Ребёнок вроде бы умирает в главном герое, уступая место взрослому. Но почему-то нет в то веры, ибо нет веры в созданный автором мир. Только Клюев не сдаётся – он делает всё необходимое, дабы вызвать у читателя доверие.

Хитрость реальности заключается в том, что всему есть место в действительности. Допустимо предполагать любое

желаемое, так как никто не даст гарантии, будто бы это невозможно. Те же паранормальные явления и способности вполне допустимы, поскольку их недоступность основной массе людей не говорит, будто бы их существование стоит отрицать. Важно убедить других в умении, чем и занимается Евгений Клюев.

Читая мысли человека, нет нужды их на самом деле читать. Достаточно оценить общую ситуацию, сообщив человеку его же желаемые мысли. Это довольно легко, главное ему о них говорить уверенно. Он поверит, сперва удивившись, а потом принимая за правду любую сообщаемую ему информацию. Без подсознания, просто оценивая поверхностно, умение читать мысли подменяется на умение их внушать. Поэтому читатель начинает верить автору, продолжающему усложнять представляемый вниманию мир.

Клюеву требовалось наполнить произведение подлинно интересной историей, которая могла заставить события развиваться дальше, вновь ломая прежние представления о действительности, либо ограничиться разладом главного героя с дедом, получив возможность реализовать собственный скрытый прежде потенциал. Евгений пошёл по иному пути, позволив существовать паранормальному, чем отяжелил текст, не дав ничего более, кроме лишнего полёта авторской фантазии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.